

МЕЛЬНИКОВА Ирина

вера, надежда, любовь

Горячий КЛЮЧ

исторический детектив

Ирина Мельникова

Горячий ключ

«ЭКСМО»

2000

Мельникова И. А.

Горячий ключ / И. А. Мельникова — «Эксмо», 2000

Вертолет сорвался со скалы и рухнул в ущелье. Кто мог знать, что на борт проникнут бандиты и заставят посадить машину в горах, возле базы наркодельцов... Пилот Артем Таранцев порадовался – спаслась большая часть пассажиров, летевших на отдых в санаторий Горячий Ключ. В том числе и красавица Ольга – еще во время полета Артем обратил на нее внимание. Как же теперь выжить в глухой тайге, ведь они остались один на один с бандитами, которым вовсе не нужны свидетели! Но, несмотря на всю сложность ситуации, Артем никак не мог заставить себя не думать об Ольге...

© Мельникова И. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	48
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ирина Мельникова

Горячий ключ

Сотрудникам МЧС Хакасии посвящается

Глава 1

Будильник звонил долго и настырно, но Артем Таранцев успел за это время увидеть еще пару снов.

В одном его пытались распилить на части циркулярной пилой, в другом – стучали по голове большой деревянной колотушкой – байдой, которой он прошлым летом успешно сбивал шишки с кедров. И эти удары отзывались в его голове мерным гулом и мерзким дребезжанием, так дребезжит чайная ложечка, оставленная на ночь в стакане на столике в купе поезда.

Артем сморщился от отвращения, попытался прикрыть голову подушкой, но дребезжание не прекращалось. Тогда он потянул на себя простыню, обнажив при этом худые волосатые ноги, и только тут догадался, что звонит будильник. Не открывая глаз, он пошарил рукой по соседней подушке. Затем приоткрыл один глаз, чтобы удостовериться в том, о чем уже донесла ему рука: подушка была пуста. Значит, он один.

Артем закрыл глаз и чертыхнулся. Теперь придется перекатываться на другую сторону широкой, как аэродром, кровати, чтобы заткнуть эту дребезжающую глотку. Он вздохнул и с трудом, но все-таки дотянулся до будильника и с мстительным удовольствием швырнул его на пол.

Но звон продолжался.

Артем едва разлепил глаза, несколько мгновений тупо всматривался в темноту, соображая, какой идиот мог заявиться в гости за полночь да еще столь настойчиво давить на кнопку дверного звонка, и наконец понял: звонит телефон.

Он приподнялся на локте и с ненавистью посмотрел в сторону аппарата. С тех самых пор, как ему пришлось установить телефон, он неоднократно божился по утрам, что вечером уж непременно перенесет его ближе к кровати, но благие помыслы так благими и оставались, а телефон уже более года продолжал изводить его звонками на безопасном от выплесков хозяйского гнева расстоянии.

Артем встал и, не зажигая света, босиком прошлепал на кухню. Открыл кран с холодной водой, плеснул в лицо, потом сделал несколько глотков прямо из ладони. Телефон продолжал звонить.

Пробормотав парочку непечатных выражений по поводу чьей-то непомерной настырности, Артем подошел к кухонному окну и, отогнув занавеску, выглянул на улицу. За окном, в темноте, моросил дождь. До рассвета оставалось часа три, если не больше... А телефон все надрывался...

И тогда пришлось снять трубку и недовольно проворчать:

– Таранцев. Черт бы тебя побрал!

– Черт приберет не меня, а тебя в первую очередь! – прозвучало не менее ворчливое с другого конца провода. – Целый час звоню – ни ответа, ни привета!

– Между прочим, я спал! – ответил Артем и со вкусом зевнул прямо в трубку. – И я уже грозился оторвать башку всякому, кто помешает мне выспаться как следует!

В трубке достаточно язвительно хмыкнули и спросили:

– На ком, интересно, выспаться? Из столовой ты ушел с Оксаной, а Стаднючиха видела, как в твой подъезд заходила Любаша из багажного...

– Очень смешно! – сухо сказал Артем, с трубкой радиотелефона вернулся в спальню и, нащупав выключатель, зажег торшер с расплавленным синтетическим абажуром. Прищурившись, оглядел скомканную простыню и смятые подушки. Кажется, и вправду кто-то переночевал в его постели. Но вот кто именно, сообразить не удавалось: даже незначительное напряжение мозговых извилин вызвало приступ такой боли, что он едва сдержался, чтобы не послать по матушке своего ночного собеседника. «Сдаешь, полковник!» – подвел он итог напрасным попыткам вспомнить, кого соблазнил на этот раз, и пробормотал в трубку:

– Что там стряслось?

– Давай-ка ноги в руки и подваливай в аэропорт. На все про все у тебя час, не больше. Перспективный рейс намечается. И не смей волюнку тянуть! А то соседи очухаются, живо его перехватят! – зачастил владелец компании «АвиаАрс» и он же организатор полетов Геннадий Михайлович Арсеньев.

– Что за черт! Я еще от последнего рейса в себя не пришел! Ты же сказал, что позволишь мне отдышаться пару дней!

– Какая, к дьяволу, пара дней? – Арсеньев недовольно посопел и уже более мягко сказал: – Думаешь, я не устал? Думаешь, мне не хочется сейчас в мягкую постель да под теплый бабий бочок? Но дело в том, что борт до Кызыла совершил вынужденную посадку в нашем аэропорту. Контрольная служба держит его на привязи, не выпускает пока. Пассажиры в бешенстве. Там какая-то правительственная делегация летит, их-то нам точно не отдадут. Но есть еще группа туристов. Человек десять, не больше... Желают попасть в Горячий Ключ...

– Держи карман шире, – усмехнулся Артем, – тебя к ним ближе, чем на пушечный выстрел, не подпустят. Наверняка какие-нибудь навороченные или совсем уж богом обделенные, если в нашу глухомань забрались.

– А, попытка не пытка! – с присущей ему лихостью ответил Арсеньев и с уже начальственной ноткой в голосе приказал: – Давай двигай сюда, да поживее!

Артем почесал в затылке, тоскливо посмотрел в сторону по-прежнему темного окна, хотел было сказать, что до конца месяца еще неделя, а он превысил уже полуторамесячную норму налета часов, но передумал и лишь вздохнул:

– Ладно, скоро буду, – и бросил трубку.

Он знал, что слова «норма», «инструкция» и «безопасность полетов» действовали на Арсеньева, как красная тряпка на быка. При их упоминании он надувался, словно индюк, пыхтел, ругался и все равно делал по-своему. Потому что всю свою пятидесятилетнюю с хвостиком жизнь прожил с единственным, но стойким убеждением, что всяческие уставы, кодексы, законы, а тем более инструкции для того и существуют, чтобы их обходить, нарушать, игнорировать, а то и вовсе плевать на них, особенно, если дело пахнет какими-никакими деньгами... И Артем прекрасно понимал: вздумай вдруг Михалыч скрупулезно выполнять все инструкции, его трехкопеечная фирма вмиг вылетит в трубу.

В этом случае Таранцеву тоже пришлось бы несладко. В России развелось слишком много отставных и безработных пилотов, готовых взяться и за менее престижную, если не сказать хуже, работу, а вакансий – раз-два и обчелся... Латаная-перелатаная техника Арсеньева все-таки еще летала, и, не иначе как благодаря какой-то сверхъестественной чертовщине, пока без аварий. Артем сплюнул три раза через левое плечо и выругался. В последнее время жизнь стала напоминать бег вверх по эскалатору в противоположную движению сторону. Бежишь, напрягаешься изо всех сил, дышалку сбиваешь, селезенка екает, а остаешься все на том же самом месте, и стоит затормозить – тут же скатываешься вниз...

Он с еще большей тоской посмотрел в окно, пытаясь разглядеть небо. Дождь прекратился, даже проступила серая предрассветная муть, а сквозь нее горы, куда ему опять же наверняка придется сегодня лететь. Арсеньев просто так среди ночи поднимать не будет. Если запахло деньгами, он тебя из-под земли выроет...

«Дай бог, чтобы этот живодер получил хорошую метеосводку». С этой мыслью Артем уныло побрел к кровати. Под ноги подвернулась одна пустая бутылка, вторая... Он с досадой отшвырнул их ногой. Врача придется опять задабривать. Он выдвинул ящик прикроватной тумбочки, где у него всегда лежала наготове пара-тройка шоколадных плиток, но увидел лишь пустую обертку, вторая обертка валялась за тумбочкой. Третью Артем обнаружил на полу рядом с диваном в соседней, совсем уж крохотной, комнатенке. На самом же диване в весьма раскованной позе спала пышнотелая брюнетка. Она лежала навзничь, раскинув руки и ноги, и храпела, как заправский мужик, с натугой, но басовито.

Артем окинул брюнетку задумчивым взглядом.

Убей бог, но он видел ее впервые, к тому же даже сейчас не мог вспомнить, при каких обстоятельствах она оказалась в его квартире. И занимались ли они чем-либо еще, помимо выпивки, об этом история, вернее, память Артема, тоже умалчивала.

Он присел на корточки и заглянул девице в лицо. От его ночной подружки несло, как от резервуара с техническим спиртом. Артем хмыкнул. Похоже, шоколад был единственной закуской, которую удалось отыскать в его доме... Он потряс девицу за плечо. Она мгновенно, как от удара, открыла глаза и уставилась на Артема мутным взором. С сообразительностью и памятью у нее было получше, потому что, потянувшись и зевнув во весь рот, девица весьма нахально улыбнулась и достаточно выразительно ему подмигнула:

– Ну что, созрел?

– Прикройся! – Артем поднял валявшийся у нее в ногах плед и бросил ей в руки. – Через десять минут чтобы и духу твоего здесь не было!

Девица отшвырнула плед и вскочила на ноги:

– Ну, ты, папашка, даешь! А кто мне моральный ущерб возместит?

– Ничего, бог подаст! Ты мне гораздо больший ущерб нанесла. Весь шоколад сожрала, чем мне теперь врачиху задобрить?

Девица быстро и эмоционально поведала о том, где она видела эту самую врачиху, а вместе с ней и самого Артема. Он спорить не стал, а снова предложил ей выметаться, что она через четверть часа и сделала, не преминув обозвать его на прощание старым козлом и вонючим импотентом.

Этим она окончательно испортила Артему настроение. Ну, на кой ляд он торчит уже второй год в этом богом забытом крае, в маленьком тоскливом городишке, в загаженной квартире, по которой катаются из угла в угол пустые водочные бутылки и бегают голодные тараканы? И за это удовольствие он ежемесячно выкладывает кругленькую сумму, чуть ли не половину своей военной пенсии...

«Сдаешь, полковник! – вторично констатировал Таранцев. – Уже и шлюх стал водить, и напиваться до беспамятства...» Он снял с подушки длинный черный волос и, брезгливо сморщившись, скатал его в пальцах и бросил в переполненную пепельницу, стоящую на спинке дивана. Девица ночью курила, это он определил не только по количеству окурков со следами темной помады, но и по новой дыре в диванной обивке, зияющей аккурат возле изголовья.

«Как еще пожар не устроила, паршивка!» – подумал он о гостье без прежней злости и, посмотрев на мерно тикающий возле голый ступни будильник, отметил, что вполне можно было не выпроваживать ее столь скоропалительно, а попытаться доказать, что ее оскорбительные определения в его адрес не соответствуют истине. Но тогда уж точно пришлось бы с ней расплачиваться, а в кармане полковника Таранцева на сей момент скучало лишь несколько серых, как утренний туман над городом, десяток на бензин – его неприкосновенный запас. И тратить их на сомнительное удовольствие трахнуть лишний раз незнакомую шлюшку – на такое он не решился бы, наверное, и под страхом смерти. Добираться до аэропорта на троллейбусе? Нет уж, увольте! И хотя его старенькая «копейка» – тоже не высший пилотаж, но полковник перестал бы себя уважать, если бы пришлось пересесть с нее на общественный транспорт в

уюду древним мужским инстинктам, каковыми он считал чрезмерную увлеченность крепкими напитками и противоположным полом.

Он с досадой поддел ногой пустую бутылку, в очередной раз подкатившуюся под ноги, та со звоном ударилась о косяк, но не разбилась. А Артем удовлетворенно отметил, что на полдня обеспечил пересудами завсегдатаев лавочки у подъезда. На четвертом этаже, как раз под ним, и проживала та самая, упомянутая Арсеньевым, злобная вахтерша соседнего студенческого общежития Стаднучиха – первая сплетница околотка и неформальная предводительница ветеранов труда местного разлива.

Он резко открыл дверь и, как был с постели, вышел в общий коридор, захлащенный старой мебелью и детскими колясками и, по обычаю, неосвещенный. Квартира у него была гостиничного типа, и все удобства приходилось делить еще с тремя соседями.

В душ он прошел смело, не заботясь о том, что его кто-то заметит голым. Даже если это будет дама.

Местные дамы в основном были приходящими и потому особой щепетильностью не отличались.

К тому же в подобной темноте разве что лишь зоркая Стаднучиха разберет, кто перед ней, мужик или баба. Но Артем скорее согласился бы на кастрацию, чем позволил бы этой мерзкой твари лицезреть свою голую задницу. Стоило ему издалека завидеть крысиную мордочку и массивный торс вахтерши, как ноги сами собой поворачивали обойти ее стороной, иначе у него на неделю пропадало всяческое желание провести ночь с женщиной, даже во сто крат более молодой и привлекательной.

Горячая вода в кране на самом деле была едва теплой и текла еле-еле, но Артем исхитрился принять душ, смывая с себя липкий пот, – первый признак того, что ночью его опять мучили кошмары. И не зря девица сбежала от него в другую комнату, бывшую когда-то всего лишь прихожей.

Если он напивался до бесчувствия, то мог и поколотить под горячую руку. Прежние подружки Таранцева знали это не слишком приятное свойство его характера и до подобного состояния Артема не доводили. В стадии среднего подпития Таранцев был мил и обаятелен, красиво ухаживал и умел привести в восторг даже самую заторможенную и закомплексованную дамочку. За что они и любили его безмерно. И прощали даже очевидную ветреность и склонность к разнообразию.

Вернувшись в комнату, Артем принялся одеваться. По прежнему опыту он знал, что в горах будет холодно, поэтому достал из шкафа теплое шерстяное белье, джинсы, плотную рубашку и кожаную куртку. Потом взял с тумбочки алюминиевую армейскую фляжку, поболтал ею и нахмурился. Она была наполовину пуста. Можно, конечно, разбудить соседа-стахановца, вкалывающего на трех работах, да еще приторговывающего спиртом, сантехника местного ЖЭКа Петра Корытова, в обиходе Корыто, и попросить долить ее, но Артем решил не делать этого. Во-первых, Петр не любит, когда его будят по ночам, и назначает тогда двойную цену за спирт, а во-вторых, он даже со сна может задать весьма неприятный вопрос, когда Артем заплатит за квартиру, которая, как и все соседние «гостинки», принадлежала Корыту, хотя и была записана на его гражданскую жену. Лучше попробовать достать чего-нибудь в аэропорту.

Пожевав с отвращением молотого кофе, чтобы отбить водочный запах, и сплюнув прямо на пол коричневую слюну, Артем подхватил за ручку небольшой портфель со сменным комплектом белья, двумя парами носков, мылом, зубной щеткой и бритвенным станком. По установившейся привычке он страховал себя на случай непредвиденных ситуаций, которых в его жизни было предостаточно и не из всех получалось выходить победителем.

Глава 2

Артем припарковал автомобиль на стоянке, уплатив за сутки вперед. Он всегда оставлял свою «копейку» именно на этой стоянке, потому что здесь его знали и не слишком возмущались, если машина задерживалась и на гораздо больший срок в силу разных приятных, а чаще неприятных обстоятельств. Покинув стоянку, он прошел по длинной аллее, завернул за здание гостиницы и с удивлением обнаружил, что аэропорт ярко освещен. К слову, это был второразрядный аэропорт, который в последние годы почти не принимал большие самолеты, крупные авиакомпании использовали его лишь как полосу для вынужденной посадки или дозаправки топливом, что происходило крайне редко. На памяти Артема – не более десятка раз.

Но для Арсеньева этот аэропорт был главным полем деятельности, хотя он и делил его с еще двумя частными компаниями, одна из которых все еще контролировалась государством и осуществляла рейсы по расписанию в Москву, в краевой центр и в пару-другую соседних городов, а вторая была такой же шарашкиной конторой, как и «АвиаАрс», а значит, и основным ее конкурентом на рынке транспортных услуг населению.

Взяв портфель под мышку и заложив руки в карманы, Артем вразвалочку прошел на летное поле, где перед контрольной вышкой виднелось сероватое тело «Ту-154», того самого, из-за которого и началась вся эта заварушка. Некоторое время Артем молча наблюдал возню под его крылом, потом перевел взгляд на дальний ангар.

Там стояла на заправке «аннушка», на хвосте которой при ярком свете прожекторов даже на расстоянии хорошо была видна эмблема – две заглавные буквы А, переплетенные между собой и художественно оформленные в виде двух остроконечных горных пиков.

«Пожалуй, это как раз для меня. Двойное А – анонимные алкоголики всех стран, соединяйтесь! Жаль, что Михалыч таких шуток не понимает», – подумал Артем и усмехнулся. Арсеньев и вправду страшно гордился своей авиакомпанией и по ее поводу никогда не шутил, считая это дурной приметой. Да и вообще он был человеком без юмора, не любил розыгрышей, а насмешки над собой или своим детищем воспринимал как смертельное оскорбление.

Артем вошел в здание аэровокзала и увидел, что там, у окошка справочной, толпятся пассажиры с «тушки», уставшие, грубо разбуженные среди ночи и не по своей воле очутившиеся черт знает где. Голоса их звучали зло и раздраженно, они жаждали возмездия за пережитые страхи и волнения. Артем улыбнулся, быстро взбежал по лестнице на второй этаж и толкнул дверь кабинета Арсеньева.

Геннадий Михайлович сидел за столом, разбирая какие-то документы. Рукава его светлой рубашки были закатаны, круглое лицо лоснилось от пота. Он всегда сильно потел, особенно в чрезвычайных ситуациях, а так как его жизнь сплошь состояла из таких ситуаций, то потел он постоянно и обильно. И казалось странным, что он до сих пор не растаял, как снеговик, а оставался весьма упитанным, с основательным брюшком мужчиной в расцвете сил, чего никак нельзя было сказать о его авиакомпании.

При появлении Таранцева Арсеньев поднял руку в приветствии, буркнул:

– Слава богу, ты здесь! – и вновь уткнулся в бумаги.

– Весьма приятно, когда тебя встречают поцелуями и объятиями, – съязвил Артем.

Геннадий Михайлович эту реплику проигнорировал, но от бумаг оторвался и деловито заговорил:

– Слушай сюда. Я заключил договор с «СибАвиа» на переброску десяти ее пассажиров на дикий курорт Горячий Ключ. Конечно, из Кызыла они добрались бы более цивилизованным способом, на катере, но их устраивает, что мы компенсируем потраченное ими на вынужденную посадку время, и до места они долетят гораздо раньше, чем планировали. Возьмешь первую машину. Ее сейчас заправляют.

Голос Арсеньева звучал подчеркнуто строго, и по тому, как он произнес «заключил договор с „СибАвиа“, Артем понял, что шеф воображает себя сейчас таким крутым боссом шикарной авиакомпании, раздающим приказы своим подчиненным налево и направо, забыв на эти мгновения о том, кем он был на самом деле, – пожилым отставным летчиком, влачащим скудное существование за счет эксплуатации раздолбанных, списанных, двадцатипятилетней давности армейских вертолетов и столько же отлетавшей бедолаги „аннушки“. Но кем бы и как бы ни был отдан приказ, для Артема Таранцева он оставался прежде всего приказом, который всегда надо выполнять. Поэтому он лишь коротко спросил:

– Кто летит со мной?

– Пашка Дудков.

– Этот наглый молокосос?

– Он, между прочим, не стал спорить с начальством и сразу же согласился лететь, – отрезал Арсеньев.

– В самом деле?

– Он еще не уехал, когда борт «3080-А» приземлился, – объяснил Арсеньев. – И это его идея – перебросить туристов. Он позвонил мне от диспетчеров. Побольше бы мне таких сообщительных, – шеф с упреком посмотрел на Артема, – а то все больше трепачи да любители спиртного попадают.

Последнюю реплику шефа Артем пропустил мимо ушей, но мысленно пообещал себе непременно расквитаться с Михалычем и за «трепача», и за «любителя спиртного». Вслух же угрюмо заметил:

– В полете от него мало толку.

– Ну, ты, конечно, у нас летчик суперклассный, – без особого воодушевления поддакнул Арсеньев. – Поэтому ты первый, а он всего лишь второй пилот. – Он вперил задумчивый взгляд в потолок. – Когда я установлю связи с «СибАвиа», возьму Дудкова в помощники. Он – парень толковый, соображает, что к чему. А то вы его быстро с панталыку собьете.

У Арсеньева, вне сомнения, появилась мания величия. И Артем подчеркнуто вежливо постарался пресечь наполеоновские замашки начальства:

– У тебя, Михалыч, видать, крыша поехала, если ты всерьез думаешь, что «СибАвиа» предложит тебе подписать договор. Они, конечно, заплатят тебе за перевозку их пассажиров, а потом сделают ручкой и даже не пошлют прощальный поцелуй.

Арсеньев сердито ткнул пальцем в его сторону:

– Тебе платят не за прогнозы, а за то, что ты можешь оседлать вертолет. А шевелить мозгами предоставь мне!

И Артем сдался.

– Что случилось с машиной?

– Кажется, сбой в системе питания. Техники сейчас с ней возятся, проверяют. – Арсеньев взял со стола пачку документов и потряс ими в воздухе. – Тут еще кое-какой груз имеется. Вот бумаги.

Артем помрачнел. Шеф был в своем репертуаре.

– Это же внеочередной рейс, – пробурчал Таранцев недовольно. – Зачем его загружать выше винта?

– Не твое дело. – Геннадий Михайлович настроен был сурово. – Внеочередной это рейс или нет, но ты полетишь с грузом. Черт возьми, сколько раз тебе повторять: если есть чем заполнить «вертушку», зачем гонять ее порожняком?

Артем помрачнел еще больше:

– А я размышлял, думал, что для разнообразия мне на этот раз достанется легкий рейс. Ты же знаешь, у меня всегда перевес, и на каком слове я летаю через перевалы. Ведь у меня вертолет, а не беременная стрекоза.

– Ты вылетаешь в лучшее время суток. Позже, когда солнце поднимется, будет хуже. В общем, проваливай и не раздражай меня, – сухо сказал Арсеньев и вновь погрузился в чтение бумаг.

Артем вышел из кабинета. На первом этаже аэровокзала толпа рассеялась. Большинство пассажиров, еще более раздраженных, толкалось у входа в кафе или прикорнуло в креслах в зале ожидания.

Но несколько человек продолжали стоять у окошка справочной. Вероятно, это были те, кто спешил поправить здоровье в Горячем Ключе. Это Артем определил по огромному рюкзаку, притулившемуся к ноге одной из женщин. Изучать пассажиров более подробно Артем не собирался. Пассажиры или груз – ему это до лампочки. Он возьмет их на борт, переправит хоть к черту на кулички, посадит, и все – более ничем они ему не интересны.

Ведь не интересуется же водитель автобуса своими пассажирами. А он, полковник Таранцев, кто? Он и есть тот самый водитель воздушного автобуса, извозчик со многими тысячами часов налета, в число которых входит несколько сотен боевых вылетов и тот последний, после которого он, кажется, навечно прописался в этом вонючем городке, в этой вонючей авиакомпании, с ее не менее вонючим проходимцем шефом.

Выйдя из аэровокзала, Артем присел на лавочку, чтобы рассмотреть документы на груз. Арсеньев и на этот раз подтвердил свою репутацию проходимца, подбросив ему пару контейнеров. Артем ужаснулся, увидев, сколько они весят.

Он яростно, хотя и шепотом, выругался. «Когда-нибудь я все-таки накатаю на этого мерзавца телегу, – подумал он злобно, – чтобы ему прищемили одно место за постоянный перегруз. И как еще ему сходят с рук такие наглые нарушения техники безопасности? Не иначе, кому-то на лапу дает, подлец!» Артем небрежно затолкал бумаги во внутренний карман куртки и направился к вертолету.

Пашка был уже там. Он стоял, картинно облокотившись на подвеску, и дымил сигаретой. Увидев командира, выпрямился, затушил о каблук окурочек, но с места не сдвинулся. Артем подошел к нему и опустил портфель на землю.

– Груз уже на борту?

Второй пилот ухмыльнулся:

– Как всегда!

– Проверил, как закреплен? Надежно?

– Все о'кей, сеньор Таранцев. Собственноручно все осмотрел и проверил.

– Не кривляйся, – сухо посоветовал ему Артем, – терпеть не могу клоунов, особенно в воздухе. – Он хотел добавить, что еще и не доверяет тем, кто постоянно улыбается, но заметил, что Павел несколько сник после его слов, и решил ограничиться фразой про клоунов. Потому что именно клоуна напоминал ему его нынешний второй пилот своим курносым конопатым носом, густым румянцем на щеках, фланелевой рубахой в крупную красную клетку и до блеска отполированными ботинками на уродливо толстой подошве.

– Как погода? – спросил Артем напарника и посмотрел в небо.

– Вроде ничего, – послал свой взор вслед за командиром молодой балбес, шмыгнув веснушчатым носом.

Артем окинул его ядовитым взглядом и справился:

– Неплохо бы подержать в руках метеосводку, как ты считаешь?

Пашка виновато улыбнулся:

– Сейчас принесу, – и побежал в диспетчерскую.

А Артем подошел к вертолету. Это был «Ми-4» – один из самых удачных советских вертолетов, – верный боевой конь, волею судеб ставший рабочей лошадкой, налетавшей бесчисленные тонно-километры по всей России. Для своего времени это была блестящая машина, но только то время безвозвратно ушло.

«Вертушке» под номером один в хозяйстве Арсеньева пошел уже третий десяток лет. Она была изрядно потрепана слишком большим количеством налетанных часов и плохим обслуживанием. Неполадок и работающих на честном слове систем и приборов было в ней бесчисленное множество, но Артем знал их все как свои пять пальцев. Что, видно, до поры до времени и спасало его от крупных неприятностей.

Он знал точно, на что способен изношенный мотор и как выжать из него максимум возможного в разреженном воздухе высокогорья, знал и то, как посадить этот вертолет, чтобы не перегружать ослабленное шасси. И кроме того, он знал, он предчувствовал; что в один прекрасный день вся эта скорбная конструкция перестанет отвечать на его любовь взаимностью и сыграет с ним злую, убийственную шутку где-нибудь над белоснежными отрогами Шапшальского хребта или Кузнецкого Алатау.

Артем влез в вертолет и осмотрел его мрачное нутро. Там было всего двенадцать мест, по шесть друг против друга. Не удобных и мягких кресел «СибАвиа», а жестких кожаных сидений, снабженных ремнями безопасности, – обойтись без них не решался даже Арсеньев, хотя и ворчал что-то о лишней трате денег. В центре салона уже стояли два контейнера.

Артем подошел к ним и рукой попробовал крепежные тросы. Иногда в его воображении возникала кошмарная картина, как разваливается груз в случае неудачного приземления, сметающая и круша все на своем пути. В этом случае все пассажиры, имеющие несчастье лететь компанией «АвиаАрс», будут прикончены, раздавлены в лепешку, в лучшем случае изувечены. Артем матюгнулся, обнаружив плохо затянутый узел. Этот раздолбай со своей небрежностью когда-нибудь загонит его в гроб.

Осмотрев груз и закрепив его как положено, Артем прошел в кабину и проверил оборудование и приборы. Механик осматривал снаружи несущий винт. Артем открыл окно и справился, все ли в порядке. Тот сплюнул и провел пальцем по горлу:

– Хреново, командир, но пару раз еще слетаешь!

– Ну что ж, и на этом спасибо, – усмехнулся Артем. Механик тоже хорошо понимал, что вертолет все больше смахивает на гроб с пропеллером, но был таким же подневольным работягой, как и пилоты, летающие на всех машинах «АвиаАрс».

Закончив осматривать приборы, Артем вышел из вертолета и направился в ангар поискать своего давнего приятеля, главного механика Никиту Погорельцева, у которого всегда имелся в запасе глоток-другой для согрева организма – конечно же, вопреки всем распоряжениям Арсеньева и его угрозам разогнать всех алкоголиков к чертовой матери.

С Погорельцевым они сдружились на почве страстной любви к утиной охоте, но отношения поддерживали и в перерыве между охотничьими сезонами. И Артем всячески старался не испортить эти отношения, понимая, что поссориться с главным механиком при нынешнем состоянии дел равнозначно получению бессрочного пропуска в могилевскую губернию.

Он поговорил с Никитой о предстоящем международном матче московского «Спартака», наполнил свою фляжку и, возвращая приятелю бутылку с водкой, сделал из нее быстрый глоток для просветления мозгов, потому что знал: если шеф закусил удила, никакой врачебный контроль не в состоянии будет снять пилота с рейса. Потом Артем вернулся к вертолету, отметив, что небо на востоке зарозовело. Скоро рассвет, значит, пора вылетать!

Пашка был уже в кабине и возился со своим портфелем, не зная, куда его лучше поставить. Увидев Артема, он подал ему промасленный пакет:

– Возьмите, тут я на вашу долю несколько бутербродов в буфете прихватил.

Артем в удивлении приподнял брови, пораженный столь трогательной заботой, поблагодарил кивком и спросил:

– Метеосводку получил?

Пашка подал ему бумаги, и Артем разрешил:

– Можешь поднимать машину.

Он внимательно просмотрел сводку. Слава богу, она была совсем не плохой. Никаких природных катаклизмов, атмосферных фронтов и других отклонений от нормы. Но он знал и то, что метеорологи столь же часто ошибаются, как и дают точные прогнозы. «Фифти-фифти, или угадали, или опять надули!» – подумал он и нахмурился, потому что напряжение внутри его не спадало с того момента, когда в его квартире раздался неожиданный ночной звонок. Это было то самое напряжение, которое никогда не покидало его в воздухе и заставляло его быть всегда начеку. Благодаря ему Таранцев оставался до сих пор жив, тогда как многие из его коллег, даже более опытные летчики, давно уже упокоились с миром, погибнув в менее опасных передрыгах, чем те, в которых пришлось побывать ему – военному летчику первого класса, полковнику Артему Егоровичу Таранцеву, получившему орден Красного Знамени в Афганистане и орден Мужества за Чечню. Только кому теперь нужны его награды и подвиги? Разве только его матушке, которая сейчас за тысячи километров от него и рада-радешенька, что ее дорогой сынок летает на местных авиалиниях, хотя и в глуши, но вдали от НУРСов, гранатометов и крупнокалиберных пулеметов.

* * *

Когда вертолет приземлился на площадке перед зданием аэровокзала, Артем заметил небольшую группу пассажиров, возле которых вертелся Арсеньев.

– Проверь, когда закончится посадка, чтобы все как следует застегнули ремни, – приказал Артем напарнику.

– Я не бортипроводница, – с улыбкой парировал тот.

– Приказы будешь отдавать, когда сядешь на мое место, – заметил холодно Артем, – а пока ты должен им подчиняться. И мне бы хотелось, чтобы ты обеспечил безопасность пассажиров значительно лучше, чем сделал это с грузом.

Улыбка моментально исчезла с лица второго пилота. Он встал и вышел в салон. Затем появился Арсеньев и сунул через окно кабины бумаги:

– Подпиши.

Это были документы на вес и топливо. И в графе «вес» Арсеньев опять проставил липовые цифры. Но Артем не стал спорить и расписался.

– Ну, давай! С богом! – Шеф поднял вверх руку с зажатыми в ней бумагами. – Ни пуха тебе, ни пера! – И он удалился в сторону аэровокзала.

– К черту! – буркнул в ответ Артем и посмотрел на возвратившегося напарника. – Все в порядке? – И когда тот кивнул в ответ, приказал: – Включай радио.

Пашка, видно обидевшись, молча выполнил команду. Артем выключил в кабине верхний свет, и сразу стало темно и неуютно, лишь слабо светились приборы.

Только сейчас он вспомнил, что Арсеньев не дал ему номер рейса. «Ну и фиг с ним, диспетчеры, должно быть, в курсе дела». Он включил микрофон и сказал:

– Компания «АвиаАрс». Борт номер один. Спецрейс до Горячего Ключа. Разрешите взлет.

В эфире прорезался слабый голос:

– Диспетчер аэропорта Агбан. Борт номер один. Спецрейс до Горячего Ключа. Взлет разрешаю. Время ноль двадцать пять Москвы.

– Вас понял. Конец связи.

– Артем Егорович. – Пашка снял наушники и повернулся к нему. – Закавыка тут одна получилась...

– Что еще за закавыка? – недовольно проворчал Артем и, взявшись за ручку газа, пошевелил ее. Она поддавалась с трудом. – Убери лапы с рычагов! – рявкнул он на Пашку. Затем дви-

нул ручку газа вперед и вдруг увидел на приборной доске несколько пятисотрублевых купюр. И спросил удивленно: – Это что еще такое?

– Калым, – усмехнулся Пашка. – Арсеньев посадил двух кавказцев до Горячего Ключа. Михалыч говорит, что это вместо аванса. Все-таки лучше, чем ничего...

– Я так понимаю, командира здесь уже не спрашивают, – проворчал Артем, – ты ведь у нас покладистый. С Михалычем у вас полный контакт. А ты подумал, дурья башка, что мы и так с перегрузом идем? Грохнемся при взлете, сгорят твои тыщи ясным пламенем!

– Да ладно, – пробормотал напарник, – в первый раз, что ли? А весь их багаж – коробка то ли сигарет, то ли печенья. При посадке я с них еще натурой сдеру!

– Это я с тебя шкуру сдеру когда-нибудь! – пригрозил Артем, но более миролюбиво, потому что машина пошла вверх и ему стало не до перебранки.

* * *

Уже спустя несколько минут вертолет миновал пригороды и шел над сплошной тайгой, почти вплотную подступавшей к городу.

Глава 3

В течение получаса Артем сам управлял вертолетом, потому что побаивался, что машина выкинет какой-нибудь не вполне безобидный фокус.

Очень аккуратно и мягко он совершал легкие маневры, стараясь прочувствовать работу техники, ее настроение, ощутить фальшь в работе приборов или почти незаметные сбои в ритмичном реве двигателей. Время от времени он бросал взгляд в сторону Дудкова. Тот сидел, уставившись перед собой, и на лице его играла та придурковатая улыбка, из-за которой Артем невзлюбил своего второго пилота.

Наконец он посчитал, что все в порядке, и приказал напарнику взять управление на себя и потом еще в течение четверти часа наблюдал, как Пашка ведет машину. И только удостоверившись, что тот должным образом справляется с задачей, позволил себе расслабиться и посмотреть сквозь фонарь кабины.

Наверху, в воздухе, было уже не так темно, и, хотя солнце должно было взойти сзади, Артем заметил впереди странно мерцающий свет, словно луна всходила над горизонтом. Он понял, в чем дело. Впереди высились еще не сбросившие снежные шапки саянские хребты, вершины которых отражали лучи восходящего солнца. Сами горы скрывались в поднявшемся из ущелий утреннем тумане.

Теперь можно было поразмышлять о чем-нибудь отвлеченном, что помогло бы окончательно выветрить из головы последствия вчерашней пирушки. Но неизвестно почему Артем вспомнил вдруг о пассажирах. «Интересно, – подумал он, – знают ли они, на что себя обрекли?» Будет холодно, очень холодно, когда они углубятся в горы. Из жадности у Арсеньева и в мыслях не было обеспечить пассажиров пледами или одеялами, в которые они могли бы укутаться... Не подозревают они и о том, что в полете не избежать болтанки, особенно когда полетят сквозь горы, где сильные ветры образуют мощные вихри, способные иногда разнести вертолет на части. Артем с беспокойством оглядел горизонт: скопления кучевых облаков, извещающих о наличии сильных восходящих и нисходящих воздушных потоков, еще одной причины для тревоги, не наблюдалось. Они появляются чаще всего в дневное время...

Таранцев вздохнул, посмотрел на приборы, потом опять перевел взгляд на виднеющиеся впереди острые гребни гор и вздохнул. Да-а, Арсеньев не только пройдоха, но и неплохой психолог, он понимает, что люди, прожившие год в грязном, задымленном городе, моментально забывают о неудобствах и тяготах перелета, стоит им только ступить на твердую землю и увидеть красоту, от которой у Таранцева, не раз бывавшего в Горячем Ключе, перехватывало дыхание. И всякий раз он клялся себе, что непременно вырвется сюда на недельку, чтобы посидеть у речного переката, поохотиться на шустрого хариуса.

Он задумчиво поскреб щеку и вспомнил, что в суматохе не успел побриться. Но решил, что с большим успехом сделает это в Ключе, где и горячей воды достаточно, да и повод появится окунуться в целебные воды, которые влекут к себе больных и страждущих, оказывается, даже из самой Москвы.

И эти люди не рассчитывали, что им придется пересечь с комфортабельного лайнера на подобную старую клячу. Заплатить громадные деньги, чтобы пересечь всю страну ради полудикого курорта, – это могли себе позволить или очень богатые любители экзотики, или те бедолаги, что уже отчаялись вылечиться традиционными способами. Конечно, они сильно потропились воспользоваться услугами компании «АвиаАрс», но не их вина, что так сложились обстоятельства и теперь им приходится рисковать жизнью и здоровьем. Пожалуй, Таранцеву стоит нарушить свои правила и выйти к пассажирам. Когда они выяснят, что летят не над Саянами, а сквозь них, то наверняка будут недовольны. Поэтому лучше их предупредить заранее,

чтобы избежать последующих неприятностей. Прежде Артему доводилось общаться с несколькими москвичами, и все они были исключительными занудами.

Он сдвинул фуражку на затылок и сказал:

– Павел, не спи за рулем, а я пойду к пассажирам.

Пашка высоко поднял брови и вновь напомнил Артему клоуна. Второй пилот настолько удивился, что забыл о том, что еще мгновение назад корчил из себя Рыцаря печального образа.

– Зачем? – Он пожал плечами. – Ничего страшного не случится, если вы не поздороваетесь с ними. Мы ведь не «СибАвиа», чтобы этикетки на борту разводить. – И тут же радостно хихикнул: – Ах да, командир! Вы своим соколиным взором уже подметили ту красотку и вам хочется разглядеть ее более детально?

– Что за ерунду несешь, пустомеля? – пробурчал Артем. – Какая, к дьяволу, красотка?

– Ну, пусть не красотка, но очень красивая девушка или, может, молодая женщина. Она мне, честно сказать, не доложила. Не успела. Я думал к ней подкатиться в Горячем Ключе, но теперь вижу, что мне ловить там нечего, правда, командир?

Артем с отвращением взглянул на самодовольную физиономию своего второго пилота, но промолчал и достал из кармана список пассажиров.

Быстро пробежал его глазами; как он и предполагал, большинство из них были москвичи, двое – питерцы и один из Йошкар-Олы.

Супруги Зуевы, Вера Яковлевна и Борис Кириллович – оба инженеры; Каширский Юрий Федорович – профессор, доктор неизвестно каких наук; Надежда Антоновна Чекалина – домохозяйка; Петр Григорьевич Синяев – профессия не указана; Аркадий Степанович Рыжков – доктор, тоже непонятно какой; Евгений Александрович Шевцов – предприниматель. Это были все москвичи. А вот еще двое, тоже явно москвичи, но своего места жительства не указали. Дмитрий Олегович Незванов – журналист... Артем поморщился. Представитель ненавистного ему племени шелкоперов и мерзавцев... И Ольга Вячеславна Прудникова – тренер по художественной гимнастике. Впрочем, эти люди могли и не называть свою истинную профессию, и даже вообще ее не указывать. Это нововведение Арсеньева не всем нравилось и, главное, никак не отражалось на безопасности полетов. Но Михалыч страшно гордился своей идеей, считая, что это поможет создать чуть ли не семейную обстановку на борту. Артем хмыкнул. По крайней мере, идея неплоха тем, что теперь он знает, птицы какого полета собрались у него на борту.

Он взглянул в последнюю в списке пассажиров фамилию. А это кто такая? И, щелкнув пальцем по списку, снова хмыкнул:

– Агнесса – красивое имя, но фамилия... Дыль! Ты представляешь себя рядом с особой по фамилии Дыль, да к тому же еще учительницей?

Павел пожал плечами и ухмыльнулся в ответ:

– А я вам ее уступаю. Займитесь ею на досуге, а мне оставьте ту, что покрасивше.

Артем вновь посмотрел на список:

– Тогда это Надежда Антоновна Чекалина или Ольга Вячеславна Прудникова, если, конечно, не гражданка Зуева.

Пашка расплылся в улыбке, его настроение явно улучшилось.

– Пойдете к пассажирам, сами поймете, что это за девочка! – Он поцеловал кончики пальцев. – Рахат-лукум, а не девочка!

– Ладно, сейчас посмотрим на твой рахат-лукум, – сказал Артем и вышел из кабины.

Двенадцать голов тут же повернулись в его сторону. «Блин, – подумал он с досадой, – совсем забыл об этих козлах!» Два сидевших рядом с кабиной пассажира подобострастно закивали и назвались Азизом и Султаном. Артем обвел их хмурым взглядом. Похоже, азеры. Но что им делать в таежной глухомани? Торговать печеньем или сигаретами, как предположил Пашка, так много ли прибыли получишь от одной коробки, которая умещается на коленях то

ли Азиза, то ли Султана? Все кавказцы были для него на одно лицо. Но по прежнему опыту он знал, что за сладкой, угодливой улыбкой зачастую скрывается звериный оскал боевика. Но эти были вне подозрения – слишком уж большие животы отрастили, с таким добром на талии в казаки-разбойники не поиграешь...

В общий список Артем заносить левых пассажиров не стал, зная натуру Арсеньева, они просто не могли быть другими, да и лишние деньги на дороге не валялись, вполне можно погасить часть долга за квартиру.

Поэтому он смерил кавказцев суровым взглядом и повернулся к остальным пассажирам. Он улыбнулся во весь рот – ну прямо как стюардесса на рекламном плакате «Аэрофлота» – и, повысив голос, чтобы перекрыть рев двигателей, правда, это не слишком ему удалось, назвал себя и попытался объяснить пассажирам, что их ждет во время полета. Судя по их напряженным лицам, они едва ли разобрали половину его слов.

– Я полагаю, что мы будем на месте примерно через два часа. Сейчас мы подлетаем к горам, поэтому будет очень холодно, так что наденьте на себя теплые вещи. Наверное, вас предупреждали, что в это время года ночи в горах очень холодные.

Плотный человек с розовым, слегка одутловатым лицом прервал Артема, схватив его за рукав:

– Меня никто ни о чем не предупреждал. В турагентстве мне сказали, что это юг Сибири...

– Но все-таки Сибири, – Артем наклонился к нему и улыбнулся. – Помимо того, это – горный район, и снег на многих вершинах не тает все лето. – Он постарался улыбнуться еще дружелюбнее. – Но не стоит волноваться, товарищ...

– Господин, – сухо поправил его пассажир, – господин Синяев.

– Господин Синяев, все будет в полном порядке. Насколько я знаю, приезжающие в Горячий Ключ могут жить по выбору в палатках или в домиках... Мне очень трудно говорить слишком громко, и я должен подойти к каждому из пассажиров. – Он вновь улыбнулся Синяеву, но тот угрюмо отвернулся.

Артем наклонился к сидящему рядом с Синяевым пожилому, изрядно облысевшему мужчине:

– Простите, как ваше имя?

– Рыжков Аркадий Степанович, зоолог. – Мужчина приподнялся с сиденья и, подав Артему руку, склонил голову в учтивом поклоне.

Его сосед справа, высокий смуглолицый мужчина с живыми черными глазами, представился коротко:

– Шевцов, – но руки не подал.

– Приветствую вас на борту нашего вертолета, господа Рыжков и Шевцов. – Помня предыдущий урок, Артем не рискнул назвать их «товарищами».

– Понятия не имел, что полечу на таком драндулете. Я дурачок, их уже все списали на металлолом, – сказал Шевцов.

Артем развел руками:

– Кое-что еще летает, господин Шевцов. Это ведь экстренный рейс. Мы очень старались как можно быстрее доставить вас к месту назначения. И вероятно, поэтому шеф не успел сообщить вам, что вы полетите на вертолете.

– Я очень люблю вертолеты, – сказал с улыбкой Рыжков, – это самое лучшее и надежное средство передвижения в горах и в тайге.

Артем поискал глазами что-нибудь деревянное – постучать, чтобы не сглазить. Насчет надежности зоолог явно загнул, но не спорить же с ним. Зачем пассажирам знать о проблемах с вертолетом?

А Рыжков, по-прежнему улыбаясь, продолжал:

– Я на таких машинах весь Алтай облетел, и Памир, и Тянь-Шань, а вот в Саянах – впервые, хотя вроде все рядом. И первый раз буду сочетать отдых и лечение со сбором материалов для статьи.

– Успехов вам, доктор, – пожелал ему Артем и повернулся, чтобы отойти.

Но Синяев, привстав с сиденья, вцепился в рукав его куртки:

– Эй, командир...

– Минуточку, господин Синяев. – Артем попытался осадить его взглядом. Тот заморгал серыми, слегка выпуклыми глазами, но рукав отпустил и сполз на свое место.

На последнем сиденье левого борта устроился высокий жилистый человек с орлиным носом и длинными седыми усами. Он сидел, закинув ногу на ногу, и, сжимая в зубах потухшую трубку, смотрел в иллюминатор.

– Профессор Каширский?

Пассажир повернул голову:

– Обо мне можете не беспокоиться. Я знал, на что иду. Видите, как я одет? – Он ткнул себя пальцем в грудь. – Меховой жилет, теплое белье и вязаная шапочка. Я хорошо знаю Саяны. В свое время исходил их и пешком, и на яке, и на лошади, и даже на северном олене пришлось прокатиться. А в юности побывал на пике Грандиозном. И скажу вам, товарищ Таранцев, это еще та горка!

– Знаю, летал возле той горки. – Артем с удовольствием пожал руку профессору, почувствовав к нему внезапную симпатию. Судя по слегка окающему говорку, тот не был коренным москвичом, а значит, автоматически выпадал из списка кандидатов в зануды, в которые Артем не преминул зачислить классического представителя этой популяции господина Синяева, рода своих занятий не указавшего.

Он повернулся к пассажирам, сидевшим по правому борту. Там устроились в основном женщины, и не в обычае Артема Таранцева было их столь долго игнорировать. В другой ситуации он именно с правого борта начал бы знакомство с пассажирами. Но сейчас он испытывал непривычную робость и даже некоторое смятение, потому что при выходе из кабины поймал вдруг быстрый взгляд женских глаз. Девушка и вправду была необычайно хороша, насколько позволял разглядеть большой воротник спортивной куртки, почти полностью скрывавший ее лицо.

Сначала Артем подошел к Зуевым. Супруги сидели, тесно прижавшись друг к другу. Им было, наверное, за шестьдесят, но их глаза смотрели по-молодому ясно и весело, были полны добродушия и любви. Артем спросил:

– Все в порядке, Вера Яковлевна?

– Да-да, все хорошо, правда, Боря?

Лицо женщины лучилось радостью, она словно спешила поделиться ею с Артемом. Он даже почувствовал, как на–пряжение, не отпускавшее его с самого начала полета, вдруг спало, и он улыбнулся в ответ, открыто и дружелюбно.

Зуев спросил:

– Мы полетим через Кунгус?

– Через Кунгус, – подтвердил Таранцев. – Вы знаете эти места?

– Когда-то мы тянули здесь высоковольтную линию. Помните песню «ЛЭП-500 – не простая линия...»? Тогда мы думали, что ее сочинили про нас. – Он мягко улыбнулся и накрыл руку жены своей ладонью. – А теперь я хочу показать Вере Яковлевне места, где прошла моя непутевая юность. Когда-то нам потребовалось целое лето, чтобы пройти Кунгусский хребет, а сейчас это займет четверть часа, если не меньше. Разве это не замечательно? И нам просто повезло, что пришлось пересечь на вертолет. С самолета ничего не увидишь.

– Конечно, повезло, – охотно согласилась Вера Яковлевна.

Артем понял, что от Зуевых никаких неприятностей не будет, и, перебросившись с ними еще парой фраз, перешел к следующему пассажиру, кудрявому, лет тридцати парню с редкими рыжеватыми усами и бородкой. Глаза парня прикрывали темные очки, голову – выцветшая камуфляжная панамка. Его джинсы были подобраны не иначе как на помойке, столько на них было заплат и художественно выполненной штопки. Кожаная куртка тоже знавала лучшие времена, но вот на ногах у журналиста Незванова красовались шикарные туристские ботинки с двойным швом, металлическими заклепками, широким рантом и рифленой подошвой типа «вибрам».

– Дмитрий Олегович? – Артем навис над ним, всем своим видом демонстрируя строгость и непоколебимость.

– Салют, командир!

Незванов снял очки и прищурился, а Артем увидел, что за темными очками журналиста скрывался умный и жесткий взгляд весьма уверенного в себе человека. Таранцев, стараясь скрыть свою неприязнь, спросил достаточно сухо:

– Проблемы есть?

– No problems! – Журналист согнул пальцы бубликом и посмотрел сквозь него на Артема. – Все very good and all right, командир!

– Ну, раз very и особенно good, то наверняка все в порядке! – усмехнулся Артем и повернулся к соседке Незванова, сидевшей с закрытыми глазами: – Вы – Ольга Вячеславна Прудникова?

Девушка нехотя приоткрыла глаза и протянула:

– Ну и что из того?

Ее большие карие очи были украшены такими длинными и густыми ресницами, что Артем грешным делом подумал, не наклеенные ли они. Ресницы отбрасывали не менее густую тень на изящный носик, который Прудникова недовольно сморщила в ответ на его следующий вопрос. Этот вопрос Артем впоследствии расценил как самый дурацкий из всех, что задал в тот день пассажирам:

– Вам не дует?

Она с явным удивлением выгнула тонкую бровь, но ответила коротко и бесстрастно:

– Нет.

Артем подождал мгновение, ожидая, что она скажет что-нибудь еще, но девушка опять закрыла глаза и спрятала лицо в воротнике. Тогда он подошел к последним двум дамам, не сводившим с него глаз, стоило ему повернуться к этому ряду.

– Надежда Антоновна Чекалина?

Сидевшая ближе к нему полная женщина лет пятидесяти вздернула острый нос и с негодованием произнесла:

– Товарищ Таранцев, я вам ответственно заявляю, что все это никуда не годится! Вы должны немедленно повернуть обратно! В противном случае я позвоню своему мужу, а у него большие связи в «Аэрофлоте», и у вас будут крупные неприятности.

Артем демонстративно пропустил мимо ушей обещание неприятностей и улыбнулся своей самой что ни есть обворожительной улыбкой. По-видимому, дамочка продолжала жить в другом измерении, в котором чайная колбаса стоила два двадцать и все летали только самолетами «Аэрофлота». Но тем не менее Таранцев постарался ее успокоить:

– Надежда Антоновна, я постоянно летаю по этому маршруту, и, поверьте, в этом нет ничего страшного.

Но на лице женщины уже отчетливо проступил страх – страх не перед полетом, а перед высотой. Сидя в комфортабельном салоне авиалайнера, она могла побороть его, потому что там высота ощущается по-другому. Далекую землю закрывают облака, и нет жуткого чувства, что летишь над пропастью. В вертолете к тому же отсутствовало то самое внутреннее оформление,

что делает салон самолета похожим на гостиную, здесь все было до предела упрощено. Голый металл, побитый и испаранный, да многочисленные детали, трубы и провода – изнутри машина напоминала собой вскрытое для исследования тело гигантского животного.

И тут вертолет резко дернулся вниз. С лица Артема моментально слетела улыбка, но машина выровнялась и вновь заскользила над первыми, еще невысокими холмами, и Таранцев еще раз уверил вконец испуганную Чекалину:

– Все будет хорошо, Надежда Антоновна! – и повернулся к последней сидевшей в этом ряду даме.

Несомненно, это была Агнесса Дыль. Высокая загорелая женщина с готовностью улыбнулась ему.

«На вид ей около сорока пяти или чуть меньше», – отметил Таранцев. Агнесса Дыль была моложавой и красивой женщиной, но слишком уж, на его взгляд, спортивной и мускулистой. Даже высокая полная грудь, которую несколько вызывающе подчеркивала обтягивающая светлая майка, никаких особых чувств у Артема не вызвала. Губы Агнессы тоже были полными и красиво очерченными, именно такие всегда нравились Артему, но в этом случае он ничего, кроме досады, не ощутил. Госпожа Дыль, судя по всему, была женщиной самоуверенной и в мужчинах знала толк, это он понял по быстрому оценивающему взгляду, словно наждаком прогулявшемуся по нему с головы до ног.

– Вы впервые в наших краях, Агнесса Романовна? – спросил Артем, избегая смотреть ей в лицо. Ему казалось, что ярко-голубые глаза учительницы просверлили его насквозь и словно нацепили на крючок.

– Нет, я очень часто бываю здесь. – Голос у Агнессы не в пример взгляду был мягким и приятным. – Я прожила тут много лет, потом мужа перевели в Йошкар-Олу, пришлось переехать. Но вот уже пять лет я встречаюсь со своими подругами в Горячем Ключе. Посплетничаем, подлечимся, по горам походим. – Она толкнула ногой высокий станковый рюкзак. – Нормальные бабы наряды да косметику чемоданами привозят, а мы – альпинистское снаряжение.

– Вы альпинистка? – вежливо поинтересовался Артем.

– Нет, скалолазка. Жаль, что у нас мало времени, я бы вам объяснила, в чем тут принципиальное различие.

«Ты бы объяснила... – подумал Артем. – К такой даме только попадись в руки». А вслух спросил:

– Что вы преподаете, Агнесса Романовна?

– Лучше просто – Агнесса. – Женщина недовольно повела плечом. – Я работаю учителем физкультуры. И каждое лето сгоняю жирок в Саянах. – Она похлопала себя по плоскому животу и опять пнула рюкзак. – Побегаешь недельку с этим чудовищем на спине, станешь стройной как кипарис. А впечатлений сколько!..

Артем вежливо улыбнулся в ответ, отметив для себя, что Агнесса Дыль не в меру словоохотливая особа, и вновь повернулся к Чекалиной:

– Надежда Антоновна, посмотрите в иллюминатор. Где еще вы увидите такую красоту? Горы, озера, реки, тайга, наконец... Это вам не «Клуб путешественников» – все вживую. Знаете, мы иногда уступаем просьбам пассажиров и делаем незапланированную посадку где-нибудь в особо живописном месте.

– Нет-нет, не стоит беспокоиться, – испуганно проговорила Чекалина.

– Ну что вы так паникуете? – Агнесса доброжелательно, но с едва заметной снисходительной усмешкой посмотрела на соседку. – Клянусь, за две недели, что мы с вами пробудем в Горячем Ключе, я сделаю из вас настоящую таежницу.

Артем ободряюще улыбнулся Чекалиной, и она ответила ему слабой улыбкой. А в ярких глазах Агнессы появился странный блеск, от которого у Таранцева вдруг пересохло в горле. И он вспомнил, что до сих пор не приложился к своей заветной фляжке.

– Эй, командир, – послышалось у него за спиной. Он обернулся. Господин Синяев был вне себя от гнева. – Какого дьявола вы летите между скал, того гляди, зацепитесь лопастями о камни. Неужели нельзя подняться чуть выше?

– Нельзя! – коротко ответил Артем и уже более мягко посоветовал: – Вы бы оделись потеплее, Петр Григорьевич!

Синяев неожиданно захохотал и пропел:

– Моя жаркая любовь меня греет вновь и вновь! – Он вытащил из кармана пиджака плоскую бутылку и помахал ею. – Это у меня вместо дубленки.

В это мгновение Артем узнал в Синяеве себя, и ему стало страшно.

– Как хотите, – сказал он сухо и вернулся в кабину.

Глава 4

Стрекоча, как гигантская швейная машинка, вертолет шел над руслом реки Агбан, в тени крутых скальных откосов, обрамляющих его с обеих сторон. Это был давно испытанный, выверенный маршрут, помогающий преодолеть Джебский хребет на хорошей скорости и в самое благоприятное время.

Пашка, развалившись, сидел в кабине и с упоением мурлыкал какую-то веселую мелодию. Артем сел на свое место и некоторое время наблюдал за показаниями приборов, потом перевел взгляд на каменную стену, проносившуюся слева от вертолета так близко, что можно было разглядеть распустившиеся на скальных выступах цветы кандыка и крохотные звездочки мать-и-мачехи.

Затем еще раз проверил курс и сказал:

– Держи азимут двести тридцать на перевал Чойган и скажешь мне, когда заметишь триангуляционный пункт.

Он посмотрел вниз на землю и с удовольствием обнаружил знакомые приметы: серебряную ленту притока, впадающего в Агбан справа, крохотную полуразвалившуюся избушку охотника-промысловика, в которой уже лет пять никто не обитал, и старый, разрушенный прошлогодним наводнением мост, им тоже уже несколько лет никто не пользовался. Проходивший в этом районе участок тракта до границы с Монголией из-за особой его сложности лет эдак десять назад спрямили, а ставший ненужным мост гнил, распадался на бревна, пока не разметало его взбесившейся водой до основания, и только у берега еще ясно просматривались остатки деревянных опор, когда-то поддерживающих бревенчатый настил.

За два года работы на «АвиаАрс» Артему приходилось довольно часто летать по этому маршруту, а летом – практически ежедневно, и он уже назубок выучил не только крупные, но и мелкие земные ориентиры и точно знал, опаздывает на данный момент или нет. Северо-западный ветер, предсказанный метеорологами, на самом деле был гораздо сильнее, чем ожидалось, поэтому Артем приказал Павлу слегка подправить курс и позволил себе немного расслабиться. До Горячего Ключа оставалось чуть больше часа лету, но впереди еще был дьявольский каньон реки Ара-Шутгулай, самый сложный участок маршрута, здесь Таранцев брал управление вертолетом на себя вплоть до самой посадки на ручье Хойто-Гол, рядом с которым располагалось несколько горячих источников, бьющих из-под огромных валунов.

Еще до революции по приказу золотопромышленника Корзунова выстроили в этих местах несколько деревянных ванн, укрытых в небольших домиках – «банях». Как рассказывали Артему старожилы, «корзуновские бани» просуществовали до середины шестидесятых, потом их раскатали в угоду какому-то чиновнику от медицины, посчитавшему их вредными для здоровья трудящихся. Только сами трудящиеся на подобную заботу о своем здоровье глубоко чихали и, в конце концов, совместными усилиями, не за год, не за два, но выстроили большую избу для отдыхающих, в которой в самый «курортный» для Саян сезон, в июле месяце, проживало до пятидесяти человек, и это не считая палаток и появившихся за последние два года десятки неплохо обустроенных коттеджей.

– Проходим Чойган, – прервал его мысли Пашка, – слева по курсу триангуляционный пункт.

– Вижу, – коротко откликнулся Артем и взглянул на часы. Нет, несмотря на приличный боковой ветер, они почти не выбивались из графика: над перевалом прошли с отставанием в шесть минут. Артем повернулся к напарнику и неожиданно весело подмигнул ему. Теперь можно спокойно ждать появления следующего ориентира – скального останца, похожего на голову древнего воина в гигантской бараньей папaxe. Артем сидел и смотрел, как проплывают мимо и под ними серые скалистые выступы, огромные поля курумов, чахлые ельники, ред-

кие кедровые куртины и куда ни кинь взгляд – небесного цвета блюдца озер, напоминание о древних ледниках. Он знал названия самых крупных – Эхин-Нур, Саган-Нур, Тохой-Нур, но сколько еще их было безымянных, совсем уж крошечных... Словно незабудки на заливном лугу, украшали они серое, унылое однообразие гор.

Впереди по курсу, уже совсем близко, замаячили покрытые снегом вершины Джебского хребта. Артем решил перекусить и достал из пакета бутерброды с ветчиной, которые Пашка купил перед полетом. Тут же захотелось сделать пару глотков из фляжки, но неожиданно в памяти возникло испитое лицо Синяева, и вдруг, словно что-то взорвалось в душе Таранцева, впервые за последние годы желание выпить исчезло так же быстро, как и появилось.

Пашка посмотрел на компас и сказал:

– Поправка курса на тридцать секунд.

Артем взгляделся в голые скалистые вершины, выросшие прямо перед ними, – до противной похмельной отрыжки привычная картина. Некоторые из этих вершин были ему слишком хорошо знакомы. Например, Тобан-Эхин всегда указывала ему путь. А вот Хутэл-Добан была страшным и коварным врагом. В ней наверняка живут злые горные духи, насылающие на непрошенных гостей ветры, снежные бураны и туманы. Но Артем знал об этих фокусах не понаслышке и не боялся их, потому что хорошо изучил горы и умело избегал таящуюся в них опасность.

Теперь он взял пилотирование на себя и стал мягко давить на рычаг. Опыт подсказал, как правильно сделать поворот, чтобы не коснуться винтами огромных скальных карнизов, загораживающих вход в ущелье. Ноги работали столь же слаженно, как и руки. Вертолет, слегка наклонившись на правый борт, плавно вошел в узкий проем в каменной стене.

Артем слизнул капельку пота, скользнувшую по губе, и мысленно перекрестился: самый трудный участок маршрута пройден. Еще час полета – и, дай бог, такое же благополучное приземление в Горячем Ключе... Эту мысль он потом долго не мог себе простить: дурная примета – заранее мечтать о благополучном приземлении, а он так некстати забыл об этом...

– Артем Егорович, – произнес Пашка за его спиной необычайно тихим голосом. И Артема удивил как раз такой Пашкин голос, а не то, что второй пилот не назвал его привычно «командир» и обратился вдруг по имени-отчеству. Это было в их практике всего дважды, и тогда, когда Артем был особенно недоволен напарником.

Таранцев не отозвался.

– Артем Егорович, – повторил Пашка.

Голос его прозвучал совсем уж жалобно, и Артем, наконец, перевел взгляд со стен каньона, пролетавших справа и слева от вертолета, казалось, на расстоянии вытянутой руки, на Пашку, и в тот же миг услышал прозвучавшее над ухом характерное лязганье. Артем оцепенел. Прямо в лоб ему глядело дуло автомата. Он быстро сморгнул, не веря собственным глазам. Автомат сжимал в руках один из непонятным образом основательно похудевших кавказцев, а второй стоял за спиной у Пашки, приставив к его уху пистолет.

«О, черт, – было первой мыслью Артема, – как они умудрились проникнуть в кабину незаметно?»

Но вслух он произнес:

– Вы что, орлы, с ума сошли?

Кавказец, держащий на прицеле Пашку, осклабился:

– Не сердись, командир, и не дергайся! Полетим сейчас другим маршрутом. Перевал Додо-Хутэл знаешь?

– Знаю. – Артем обвел бандитов угрюмым взглядом. – Только не говорите, что приняли меня за таксиста и готовы платить баксами, чтобы я отвез вас к девочкам порезвиться.

– Баксы тут, в стволе. Целых тридцать штук, – вступил в разговор кавказец с автоматом, – но тебе и одного хватит. Разнесет башку на куски.

Артем усмехнулся:

– Нет, вы, голуби, и впрямь приняли меня за таксиста. Но если так настаиваете, я могу и уступить свое место. Давайте ведите вертолет хоть к черту на кулички, только ведь его еще и посадить надо, и до того, как кончится топливо, чтобы не грохнуться ненароком.

– Заткнись! – рявкнул стоявший рядом с Пашкой бандит. – И слушай, что тебе говорят. Как только пройдешь ущелье, выходи на азимут сто восемьдесят два.

«Азимут... Сто восемьдесят два», – хмыкнул про себя Артем и съязвил вслух:

– И откуда только слов таких набрались? Долго учили?

– Меняй курс, – угрожающе прошипел бандит с пистолетом, – или я снесу тебе башку. Будешь тянуть время – пристрелим, как бешеную суку. Пашка поведет вертолет, а твои мозги потекут вот здесь. – Он кивнул на обшивку.

Артем медленно положил руки на рычаг и посмотрел вперед: там уже виднелся выход из каньона. Кавказцы за его спиной замолчали, Пашка тоже молчал, потом вдруг стал тихо насвистывать какую-то мелодию. Поначалу Артем решил, что у парня от страха поехала крыша, затем прислушался внимательнее. Мелодия была знакомой, очень хорошо знакомой, однако он, как ни напрягался, все никак не мог ее вспомнить. Но тут они миновали выход из каньона, напряжение спало, и как молния высветились в памяти и название, и слова: «Поет морзянка за стеной знакомым дисконтом...» И тотчас Таранцев перевел взгляд на наушники с микрофоном, висевшие справа от него. Если включить микрофон, громкий разговор услышат в эфире, бандитам же будет невдомек, что через минуту о захвате вертолета станет известно всему свету.

– Вы что, в Монголию собрались рвануть? – усмехнулся Артем, а правая рука как бы случайно сползла с рычага.

– Полетишь, куда тебе скажут, – лениво произнес бандит за его спиной.

– Ну что ж, в Монголию так в Монголию, но, по мне, лучше куда-нибудь южнее. К синему морю, пальмам и страстным мулаткам. – Артем нащупал пальцами рычажок микрофона и, включая его, чтобы замаскировать свои действия, слегка отклонился вправо, будто решил посмотреть на приборы, расположенные напротив Пашки. Затем с облегчением откинулся на спинку кресла и громко проговорил:

– Ничего у вас не выйдет, господа кавказской национальности! Если через полчаса вертолет не приземлится в Горячем Ключе, по тревоге поднимут и МЧС, и армию, и милицию, и еще массу всякого народа. Это ведь не иголка в стоге сена. К тому же редко какой угон воздушного судна заканчивается удачно для угонщиков. В небе всякое может приключиться.

– Ты хитрый, командир, а мы – умные, – рассмеялся державший его на прицеле бандит. И перед лицом Артема появился обрывок кабеля с торчащим из него пучком разноцветных проводов. – Радио не работает, дорогой.

Артем почувствовал, как у него пересохло во рту и похолодело где-то внизу живота. Он посмотрел на скалистую гряду, вырастающую прямо по курсу, и его охватил страх. Эти горы были ему незнакомы.

Они таили в себе нешуточную опасность. Страх усилился. И за себя, и за Пашку, и за пассажиров...

* * *

В пассажирском салоне было холодно и неудобно. Сидевший рядом с Евгением Шевцовым зоолог Рыжков достал из нагрудного кармана пилюлю и положил под язык. Пассажиры не разговаривали, понимая всю бесполезность этих попыток: рев двигателей перекрывал все звуки. И лишь губы Надежды Антоновны Чекалиной постоянно находились в движении, и не потому, что дрожали от холода или страха, а потому, что она почти без умолку говорила, склонившись к уху Агнессы Дыль. Вероятно, она уже преодолела приступ страха, а может, пыталась

таким способом избавиться от него. Журналист сосредоточенно перелистывал свою записную книжку. Евгений перевел взгляд на соседку справа. Ольгу Прудникову, похоже, ничто не беспокоило.

Вытянув вперед длинные стройные ноги в темных джинсах, она окончательно погрузилась в свою куртку и дремала, не обращая внимания ни на рев двигателей, ни на холод. Зуевы, прижавшись друг к другу, тоже, кажется, дремали... Взгляд живых черных глаз Шевцова еще раз прошелся по салону, затем Евгений посмотрел в иллюминатор, расположенный между ним и Каширским, и внезапно нахмурился.

В этот момент Зуев тоже взглянул в иллюминатор и недоуменно пожал плечами. Шевцов сказал ему:

– По-моему, мы летим сейчас почти на юг, но, если мне не изменяет память, Горячий Ключ гораздо западнее.

– А вы недурно ориентируетесь для простого пассажира, – улыбнулся Рыжков и тоже взглянул в окно, – а по мне, все вокруг одно и то же – горы, снег, тайга...

– Насколько я помню, – обеспокоенно произнес Зуев и опять взглянул в окно, – озеро Обогол расположено значительно южнее и должно остаться далеко в стороне, а мы только что пролетели над ним.

– Боря, ты уже столько лет не был в этих местах, – с мягкой укоризной заметила Вера Яковлевна. – И потом, ты же не видел их с вертолета.

– Может быть, и так, – неуверенно согласился Зуев, – но в одном я не сомневаюсь: мы прошли над Обогом. Это озеро в здешних местах самое большое и красивое.

– Не волнуйся, дорогой, – Вера Яковлевна ласково посмотрела на мужа, – пилот знает, куда лететь. Мне он очень понравился. Весьма толковый молодой человек. И очень симпатичный.

Шевцов между тем молча размышлял о событиях, на которые, похоже, никто не обратил внимания. Два пассажира кавказской национальности вдруг скользнули за ситцевую занавеску, прикрывавшую дверь в кабину пилотов. Возможно, кавказцы были близкими друзьями пилотов или владельца компании, который самолично подвел их к вертолету, это Евгений заметил при посадке. И теперь они просто прошли в кабину, чтобы насладиться сквозь фонарь кабины таежными красотами в полной мере. От нечего делать Евгений принялся разглядывать занавеску и успел запомнить каждый завиток простенького растительного орнамента, а кавказцы все не появлялись. В силу своего опыта Шевцов понимал, что полет в горах – занятие крайне напряженное и требует сосредоточенности и внимания. Если пилоты не самоубийцы, они вряд ли потерпят посторонних созерцателей в своей кабине. От этой мысли недоумение стало перерастать в беспокойство, а тут еще Синяев подлил масла в огонь.

В карманах его куртки хранился солидный запас спиртного. Он уже успел извлечь оттуда на свет божий вторую бутылку и наполовину опустошить ее.

Причем пил Петр Григорьевич, не закусывая, пьянел излишне быстро и еще быстрее приходил в состояние воинственного возбуждения.

Заметив на себе взгляд Шевцова, он сделал очередной глоток из бутылки и возмущенно заявил:

– Нет, вы видели этого наглеца? Летун, мать его!.. Знал бы он, кого пытался осадить! Я ведь этого так не оставляю! Посмотрим еще, кто кому рот заткнет!

Шевцов перевел взгляд на Рыжкова, за весь полет они едва обменялись двумя-тремя ничего не значащими репликами. Зоолог по-прежнему сидел, уткнувшись взглядом в толстенную книгу – судя по рисункам, в какой-то справочник о грызунах, – и время от времени делал карандашом пометки на полях.

Так все и шло: господин Синяев допивал вторую бутылку, сосед с упоением читал про сусликов, Надежда Антоновна продолжала изводить разговорами свою соседку. Но кавказцы

до сих пор не вернулись... Евгений Александрович зевнул и уставился на ледоруб, торчавший клювом вверх из рюкзака, который принадлежал яркой блондинке, сидевшей напротив. Она заметила его взгляд и приветливо улыбнулась. Шевцов помрачнел, отвернулся и принялся снова смотреть в окно.

* * *

– Смотри, командир, – приказал стоявший за спиной Артема кавказец, – видишь дорогу? Сажай машину туда.

– Какая дорога? – проворчал Артем. – Может, козья тропа? А по козьим тропам сами прыгайте. У меня пассажиры. Я за них головой отвечаю.

– Кому сказал, приземляйся! – рявкнул бандит и ткнул Таранцева дулом автомата в ухо.

Артем повернул голову. Черный зрачок дула таращился ему прямо в переносицу. Несмотря на холод в кабине, пот градом катился по его спине, а дуло автомата казалось громадным, как у гаубицы. Он отвернулся от террориста и посмотрел вниз, на то, что бандит назвал «дорогой». На самом деле, узкое полотно, засыпанное щебенкой и камнями, только с большой натяжкой можно было так назвать. К тому же с одной стороны был крутой скальный обрыв – берег горной реки, с другой – нависали скалы, и куда ни кинь взгляд, одно и то же, и ничего похожего на более-менее приличную площадку для приземления.

– Я понял, вам нужен только вертолет? – Артем постарался, чтобы его голос звучал дружелюбно. – Давайте баш на баш: сначала высадим пассажиров, а потом я полечу, куда прикажете. Я справлюсь и в одиночку.

– Посади вертолет здесь и сейчас, и не болтай, как баба! – прорычал бандит за его спиной.

Артем подался вперед, чтобы отыскать внизу хоть какую-то площадку, и ужаснулся. Среди нагромождения валунов и снега он разглядел крошечный пятачок, расположенный на скальном карнизе, вырубленном на склоне горы. Он едва успел окинуть его взглядом, как пятачок вновь исчез из поля зрения.

Артем заложил вираж и пошел по дуге, постепенно снижаясь и стараясь рассмотреть, насколько найденная им площадка пригодна для посадки. Увиденное привело его в ужас, но угонщиков, похоже, это не озаботило.

– Сажай вертолет! – заорал тот, что с пистолетом, и передернул затвор.

– Братцы, не сходите с ума, тут невозможно сесть. Я же все лопасти в клочья разнесу о скалы.

– Садись! – раздалось теперь за его спиной.

Но до сих пор молчавший Пашка поддержал Артема:

– Там же обрыв, смотрите. Если сядем ближе к скалам, винт полетит, ближе к обрыву – сорвемся вниз.

Артем посмотрел на высотомер, затем уже на глаз прикинул расстояние до земли, затем до ближних скал и как можно спокойнее сказал:

– Предупреждаю, вертолет перегружен. Небольшой перекосяк – и точно полетим по склону вверх тормашками. В компании, между прочим, с вами, господа угонщики.

– Заткнись! – прервал его бандит с пистолетом. – Не хочешь пулю в башку, ищи удобную площадку!

Ситуация была препаскуднейшей, хотя уступка бандитов сулила хоть какой-то выигрыш по времени. Но что это даст? Рано или поздно его все равно заставят посадить вертолет. В принципе Артему не составляло никакого труда посадить «вертушку» и на таком пятачке. Причем без опасения, что она разлетится на куски. Конечно, если за это дело возьмется Пашка, то непременно превратит ее в кучу металлолома. Таранцев набрал полную грудь воздуха и

мысленно перекрестился. Сейчас ему придется рассчитывать только на себя, на свой опыт, выдержку и хладнокровие.

– Хорошо. Предупредите пассажиров. Велите им держаться покрепче за сиденья.

– Обойдутся! – процедил бандит с автоматом, но у Артема уже не оставалось времени на возражения, тем более на споры и увещевания.

– Ладно, раз вы настаиваете, придется рисковать. Но предупреждаю: никаких резких движений и клацаний затворами. Этим вы здесь не поможете. Я не камикадзе и таранить скалы, чтобы замочить двух уродов, не собираюсь.

Бандит за его спиной выругался сквозь зубы и замолчал.

Закладывая крутые виражи, Артем дважды провел вертолет над пятачком. Замахнулся на третий круг, потом на четвертый. Кавказцы не реагировали, лишь напряженно смотрели вниз сквозь стекла фонаря. Вероятно, они догадались, что летчик не шутит. А Артем просто тянул время, понимая, что оно не бесконечно. Он надеялся, что пассажиры должны за это время понять: что-то не в порядке. С какой стати вертолет вдруг пошел на посадку среди диких скал и тайги? Неужели никто в салоне не обратил внимания на исчезновение кавказцев и последовавшие за этим немыслимые виражи? Он прислушался, но за ревом двигателей нельзя было понять, происходит ли что-нибудь в салоне, обеспокоены ли пассажиры маневрами между скал?

Может, они уже догадались, в чем дело, и собираются что-нибудь предпринять? Но разве им справиться с двумя вооруженными бандитами?

В разношерстной и разновозрастной компании туристов Артем не заметил ни одного человека, способного на столь отчаянный и безрассудный поступок. Женщины, пожилые мужики... Разве только журналист или этот предприниматель... Как его? Шевцов, кажется? И тут же все мысли вылетели у него из головы, кроме одной-единственной: как не разбить вертолет вдребезги. Обнаруженная им площадка действительно оказалась крошечной, и, даже когда вертолет завис в полусотне метров над ней, она не слишком увеличилась в размерах. Артем напрягся. Винты взвихрили снег, который кое-где еще покрывал скалы, обзор ухудшился, и он проворчал:

– Чует мое сердце, полетят сейчас клочки по закоулочкам.

– Не болтай, задавлю! – Бандит за его спиной, похоже, начинал нервничать и не скрывал этого.

– Поздно, дорогой, поздно, – отозвался Таранцев сквозь зубы.

– Ты свою задницу береги, – буркнул второй угонщик, – а то башке совсем плохо будет.

Но Артем думал как раз не о своей заднице и даже не о голове, а о пассажирах, о тех ни в чем не повинных людях, которых угораздило лететь этим злополучным рейсом. Продолжая удерживать вертолет над площадкой, он соображал, как лучше посадить машину и не зацепиться лопастями за валуны и скальные выступы. К тому же площадка, как оказалось, имела заметный наклон в сторону речного обрыва. Тут никакие тормоза не выдержат...

Артем мысленно перекрестился. Слева по курсу зияла мрачная каменная щель, в которой на пару с вертолетом мог закончить свое брренное существование бывший военный летчик Артем Таранцев, а вместе с ним и десять пассажиров да остолоп Пашка в придачу. О двух бандитах Артем не думал. Артем прекрасно знал, какую нагрузку может выдержать шасси, и обычно старался посадить машину как можно мягче. Но на этот раз требовалось приземлиться так, чтобы стойки сломались как спички и, застряв среди камней, не позволили бы вертолету скатиться со склона...

Артем лихо подмигнул Пашке и объявил:

– Итак, смертельная гастроль Артема Таранцева! Бьют барабаны, трубы трубят!..

Он нажал на рычаг и почувствовал, что тот стал липким от пота. Артем выругался, стиснул зубы и забыл про все на свете, кроме одного: он должен посадить вертолет, любой ценой спасти людей, но чтобы угонщикам при этом мало не показалось.

Глава 5

Когда вертолет вошел в вираж, Шевцова бросило на Синяева, который в этот момент подносил бутылку ко рту, чтобы сделать очередной глоток.

Горлышком его резко и сильно ударило по зубам.

Он поперхнулся, нечленораздельно выругался и что есть мочи отпихнул Шевцова от себя. Тот очутился в проходе вместе с Зуевым и журналистом. Шевцов первым вскочил на ноги и помог подняться Незванову, ошалело вертевшему головой. Вера Яковлевна суежилась рядом с мужем, потиравшим рукой ушибленный бок.

– Черт возьми, что это было? – вскрикнул Каширский и в следующий момент повалился прямо на Рыжкова. Карандаш в руке у того хрустнул, и зоолог пожаловался, что ему отдавило ноги. Но профессор Каширский, человек весьма крупного телосложения, даже не подумал пошевелиться, потому что с изумлением смотрел в иллюминатор.

Вертолет тем временем вновь завалился на левый борт, женщины завизжали, а Чекалина закричала, перекрывая не только многоголосый галдеж, но и рев винтов:

– Я так и знала, что это добром не кончится!

Она истерично захохотала и принялась хватать за руки Агнессу. Та молча отвесила ей оплеуху. Чекалина потрясенно посмотрела на нее и вдруг залилась слезами.

Синяев отшвырнул пустую бутылку и заорал во весь голос:

– Что он вытворяет, этот долбаный летун? – Он выглянул в иллюминатор, очевидно, разглядел посадочную площадку и в ужасе заорал еще громче. – Смотрите, он собирается тут садиться! На камни, на краю пропасти!

Шевцов, склонившись к журналисту, что-то тихо сказал ему. Сидевшая рядом Ольга Прудникова посмотрела через его голову на занавеску, закрывающую вход в пилотскую кабину, и тоже что-то быстро проговорила Шевцову. Он встал со своего места, а девушка вновь произнесла несколько слов и энергично кивнула в направлении кабины.

Вера Яковлевна тем временем успокаивала Чекалину.

– Все будет хорошо, милая, не надо так волноваться, – ласково приговаривала она и гладила женщину по руке, но та, не слушая, сидела, раскачиваясь из стороны в сторону, заунывно подвывая и глядя перед собой остекленевшими от страха глазами.

Вертолет уже вышел из крена и завис над площадкой. Шевцов, навалившись на много-страдального Рыжкова, смотрел в окно. Чекалина опять в испуге завизжала, когда заметила, что вертолет почти прижался к скалам и чуть ли не скрежещет винтами по их выступам. Затем машину опять повело резко вверх, потом она круто накренилась влево, и Шевцов вновь потерял равновесие, завалившись боком на колени к журналисту.

Первым перешел к решительным действиям профессор Каширский. Оказавшись в результате этой необъяснимой болтанки на месте, которое прежде занимали кавказцы, он сорвал занавеску и, ухватившись за ручку двери в кабину, повернул ее и толкнул дверь. Та не поддавалась – очевидно, была заперта изнутри. К нему на помощь бросился Шевцов. Уже вдвоем они стали давить на нее плечами, но в этот момент вертолет резко накренился, и их опять отбросило в проход между сиденьями. Первым на ноги поднялся Шевцов и потянулся к ледорубу Агнессы. Она с готовностью выхватила его из рюкзака и передала Шевцову. Но Незванов перехватил его руку.

– Это гораздо надежнее! – сказал он и вытащил откуда-то из-за спины внушительного вида пистолет, затем встал перед дверью и крикнул: – Все женщины немедленно в хвост вертолета! – и трижды выстрелил в замок.

Артем услышал выстрелы за мгновение до того, как вертолет стал снижаться. И не просто услышал их, но и увидел, как вдребезги разлетелся альтиметр на приборной доске. Стре-

ляли из салона, и он успел подумать, что нашелся все-таки умный человек среди пассажиров, который понял, что не зря летчик Таранцев вытрясает из них душу. В ответ на выстрелы за его спиной раздалась короткая автоматная очередь, следом ударили два выстрела из-за двери, и бандит, державший на прицеле Пашку, по-собачьи взвизгнув, повалился на бок, забрызгав кровью кресло и Пашкины колени. Все это Артем видел краем глаза, потому что «вертушка» резко пошла вверх.

Внезапный шум за спиной заставил его опять скосить глаза в сторону. Пашка, матерясь на чем свет стоит, боролся со вторым бандитом, пытаясь вырвать у него автомат. Но кавказец был крупнее и явно сильнее и, изловчившись, навалился на парня и схватил того за горло. Пашка захрипел. Воспользовавшись тем, что бандит отвлекся от него, Артем оторвал одну руку от рычага и что было сил, наотмашь, ударил кавказца по голове, стараясь угодить в висок.

У него было всего лишь мгновение для удара, и, к счастью, этого мгновения, видимо, хватило: Пашка перестал хрипеть, а за спиной смолк шум борьбы. А еще через секунду напарник, тяжело отдуваясь, проговорил с неподдельным восторгом:

– Ну, ты даешь, командир!

Но Артему было не до восторгов. Он пытался выровнять вертолет, однако, видно, настал тот момент, которого он всегда боялся. Двигатели не выдержали запредельных виражей, и он почувствовал, что вертолет перестал его слушаться.

– Кажется, перебили маслопровод, – хрипло сказал Пашка, – масло почти на нуле. – И крикнул: – Тяни, командир, тяни! Вон там, кажется, можно приземлиться.

– Теперь уже не можно, а нужно, – прохрипел в ответ Артем.

Яростно ругаясь, он работал вырывающимися из рук и из-под ног рычагами и педалями, стараясь прекратить падение машины. И на какой-то миг это ему удалось. Вертолет, словно обретя второе дыхание, пошел вверх, перевалил через скалы, на том его силы и кончились. Каким-то нечеловеческим усилием Артем удерживал его от падения. Земля стремительно приближалась. Внизу проносились нагромождения камней, чахлые пихты, а сам склон обрывался в ущелье, затянутое синей дымкой утреннего тумана. Дна ущелья Артем не разглядел. Он понял, что пару мгновений уже не слышит рева двигателей. Винты продолжали крутиться по инерции. Но, видно, судьба решила подбросить ему еще один шанс: в последнюю секунду Артем успел заметить на самом краю страшного провала небольшую, покрытую мхом поляну, и направил на нее вертолет. Резкий толчок, почти удар о землю, и следом – треск лопнувших стоек шасси. Вертолет взбрыкнул, словно выскочивший из стойла молодой жеребенок, задрал хвост и со страшным скрежетом и грохотом заскользил на брюхе вниз по склону, который был гораздо круче, чем это казалось сверху.

Артем еще успел выругаться, и в этот момент вертолет повело резко вправо и развернуло почти на девяносто градусов. Верхний винт со страшным скрежетом коснулся края скалистой гряды, и уже в следующее мгновение Артем увидел, как каменная стена понеслась прямо на него. Вертолет врезался в скалу, раздался ужасающий треск, и фонарь кабины перед ним разлетелся вдребезги. Потом что-то ударило Артема по голове, и он потерял сознание.

* * *

Он пришел в себя оттого, что кто-то бил его по щекам. Его голова перекатывалась из стороны в сторону, ее разрывало на части, и он более всего на свете хотел, чтобы его перестали лупцевать по лицу, и все это издевательство прекратилось как можно скорее. Тогда он смог бы уйти в забытие, избавиться от боли, но удары не утихали, а становились еще сильнее. И ему ничего не оставалось, как застонать и с трудом открыть глаза.

«Наказание» исходило от профессора. Каширский склонился над Артемом и, увидев, что тот очнулся, повернулся к журналисту:

– Держите его под прицелом, пока не разберемся, что к чему. Похоже, это одна шайка-лейка.

Но Незванов, улыбаясь, держал пистолет дулом вниз. Каширский устало потер лоб и тоскливо произнес:

– Что ж вы это, черт побери, устроили?

Артем, морщась от боли, поднял руку и нащупал на лбу шишку величиной с куриное яйцо. В ушах стоял звон, почти заглушающий внешние звуки.

Потом он попытался повернуть голову, но Каширский загораживал обзор, и Артем спросил, не узнав свой голос, таким он был слабым и бесцветным:

– Что с Павлом?

– Жив ваш Павел, – успокоил Незванов, – мы его к остальным пассажирам отправили, чтобы под ногами не мешался.

– Что с азерами? – опять спросил Артем, пытаясь устроиться в кресле поудобнее.

– Один – наповал, а второй – в тяжелом состоянии.

– Надеюсь, что он сдохнет вслед за первым. – Артем стер кровь со щеки и наконец принял желаемое положение. – Они пытались угнать вертолет.

– Вы – командир вертолета, как вы могли допустить, чтобы бандиты беспрепятственно проникли в кабину?! Вы еще ответите за это разгильдяйство! – со злостью проговорил Каширский. – Вы же нас чуть не угробили!

– Чуть-чуть не считается, – усмехнулся Артем, – я все-таки посадил вертолет.

– Но какой ценой, – произнес за его спиной глуховатый мужской голос. Артем с трудом исхитрился повернуть голову и увидел, что это Шевцов.

Все руки и джинсовый костюм пассажира были в крови. Заметив взгляд Артема, он слегка отодвинулся в сторону.

– Смотрите.

Кавказец действительно был еще жив. Часть кабины пронзил острый скальный выступ, который разможил бандиту грудную клетку.

Дела его были совсем плохи. Но он находился в сознании, глаза были открыты и смотрели на окружающих с ненавистью.

Звон в ушах стих, и Артем услышал, как в салоне заходится криком женщина и кто-то монотонно и глухо стонет.

– Скажите, ради бога, что там произошло?

Никто не ответил, потому что кавказец вдруг заговорил. Едва слышно, почти нечленораздельно, с трудом шевеля губами, на которых тут же запузырилась кровавая пена.

– Вас скоро схватят... – Его лицо искривилось в презрительной гримасе. – Меня спасут... А вы все... рабы... – Его речь прервал приступ кашля, после чего кровь забила из рта фонтаном. – Вы сдохнете... – простонал он и попытался поднять руку. – Аллах ак... – Рука бессильно упала вниз, а выражение ненависти в глазах сменилось удивлением – удивлением перед смертью.

Шевцов взял его за запястье, пощупал пульс, потом приложил пальцы к шейной артерии.

– Все, конец.

– Это что же, какие-то исламские фанатики? – недоуменно спросил Каширский. – Но что им делать в сибирской тайге?

Женщина в салоне продолжала кричать, и Шевцов сказал:

– Давайте живее выбираться отсюда.

В этот момент хвост вертолета опасно просел вниз, а кабину вздернуло кверху. Послышался скрежет рвущегося металла, и над выступом скалы, который убил угонщика, поползла трещина. Артем с ужасом осознал ситуацию.

– Стоять! Не двигаться! – закричал он и повернулся к Шевцову, сжимавшему в руке ледоруб. – Откройте бустер!

Шевцов с удивлением уставился на ледоруб, словно только сейчас вспомнил о его существовании, попытался открыть то, что Артем назвал бустером – боковое стекло фонаря. Но его, видно, заклинило, и Шевцов, не долго думая, ударил по нему ледорубом. Стекло вылетело. Через образовавшуюся дыру вполне мог пролезть человек.

Артем обвел взглядом бравое воинство, с ожиданием смотревшее на него, и произнес:

– Я вылезу наружу и посмотрю, что там происходит. В это время никаких движений, тем более хождений.

Он пролез в дыру и обнаружил, что передняя часть вертолета и верхний винт разнесены вдребезги. Высунувшись из дыры еще дальше, он крикнул:

– Держите меня за ноги! – И когда почувствовал, что его команда выполнена, попытался рассмотреть, что случилось с хвостом машины.

Увиденное ужаснуло его. Хвост с остатками винта завис над пропастью. Вертолет слегка покачивало, он вибрировал и дрожал, как живое израненное существо.

Артем сполз назад в кабину и принялся оттирать ладони носовым платком от смеси глины и снега, облепившей фюзеляж снаружи. Потом удрученно сказал:

– Дела хуже некуда. Мы в буквальном смысле висим над пропастью, и это единственное, что еще удерживает вертолет. – Он кивнул на пронзивший кабину скальный выступ. – Если кто-то двинется к хвосту, равновесие нарушится, и мы полетим вниз. Поэтому те, кто в салоне, пусть осторожно приблизятся к кабине.

Шевцов выглянул в салон и прокричал:

– Эй, все, кто живой и в состоянии ходить, давай сюда, к кабине!

Послышался шорох, и в дверь просунулась голова Рыжкова. Она была в крови, а щеку зоолога пересекала приличная царапина.

Шевцов прокричал снова:

– Кто там еще?

Над головой Рыжкова показалось бледное лицо Агнессы.

– Помогите мне с этой неврастеничкой, пожалуйста, и потом, у нас раненая. Оля рядом с ней, но я думаю, что все бесполезно. Весь живот разворочен.

– Кто? – спросил Артем, хотя и так уже знал – кто.

– Бабуля, что рядом с кабиной сидела, – хмуро ответила Агнесса, – когда стрельба началась, они с мужем вскочили, хотели, видно, в хвост вертолета отбежать. Деда первой же очередью убило, а она вот мучается теперь. Жалко женщину. – Агнесса шмыгнула носом. – Оля в аптечке нашла новокаин и шприцы, но укол не помог.

– Перебирайтесь сюда, – велел Артем женщине, – и вылезайте через это отверстие наверх.

Он уступил ей место около окна, но Агнесса покачала головой:

– Я самая тренированная из вас, поэтому полезу последней.

Артем недовольно поморщился. Голова болела невероятно. Не время было потакать женским капризам, и он попытался придать голосу строгость:

– Давайте без споров, ваша тренированность гораздо полезнее будет за бортом. А тут мы и без вас управимся.

Он помог Агнессе вылезти из окна и проследил, чтобы она отошла от вертолета на безопасное расстояние. Следующим появился Рыжков. Раненая щека у него нервно подергивалась. Он склонился к Артему и прошептал:

– В прошлом я – ветеринарный врач и, как медик, вижу, что женщине осталось жить самое большее полчаса. Ей уже ничем не поможешь. Я попытался ее перевязать, но кровь остановить практически невозможно. Уколы только немного смягчают ее страдания.

Артем горько вздохнул, вспомнив милую сероглазую пожилую женщину и ее мужа, смотревшего на жену с нескрываемой любовью и нежностью. Он еще раз вздохнул, но ничего не сказал и помог зоологу выбраться наружу. Агнесса, наплевав на крики Артема, которыми он пытался отогнать ее от вертолета, все-таки подбежала к борту и снизу приняла неуклюжего зоолога.

Третьим в очереди оказался Каширский.

– Что там с Чекалиной? – спросил у него Артем.

– Кричать перестала, сидит и смотрит в одну точку. Такое впечатление, что у нее сдвиг по фазе от страха.

– А Синяев?

– Его завалило багажом, но, судя по ругани, он жив и, кажется, не слишком пострадал.

Незванов усмехнулся и затолкал пистолет за ремень джинсов.

– Я не удивлюсь, если он там под шумок еще одну бутылку оприходовал.

Он подтянулся на руках и проворно, как ящерица, юркнул в окно. И сразу же принялся что-то обсуждать с Агнессой. А Артем подумал, что напрасной была его неприязнь к журнаlistsу. Тот оказался смелым, дельным парнем. Только вот пистолет у него откуда? Но более важные проблемы тотчас же вытеснили у Артема из головы мысли о пистолете и его владельце.

– Теперь здесь гораздо больше веса, и, вероятно, можно вернуться назад, чтобы вывести остальных. – Артем обратился к Каширскому: – Сейчас мы поможем вам выбраться наружу, а Шевцов...

– Евгений, – сухо сказал Шевцов.

– Что – Евгений? – не понял Артем.

– Меня зовут Евгений, – суше прежнего произнес предприниматель.

– Принято, – кивнул Артем. – Вы, Евгений, вернитесь, пожалуйста, назад и постарайтесь вывести остальных женщин. Возьмите в помощники моего второго пилота. Кстати, как он там?

– Жив-здоров ваш паренек, – ответил профессор. – Бровь рассек да фонарь под глазом, а так красавец хоть куда. Эта девушка, Оля, кажется, очень романтическую повязку ему соорудила на голове...

– Берите этого романтика под микитки, и пусть он займется Синяевым, – распорядился Артем, – там как раз ума не надо, только сила и понадобится. – И крикнул Шевцову в спину: – Идите осторожнее!

Евгений оглянулся, невесело усмехнулся и вышел из кабины.

В салоне он увидел, что Надежда Антоновна Чекалина сидит в застывшей позе, плотно обхватив себя руками, а молодой второй пилот вытаскивает из чьего-то раскрытого чемодана мужские рубахи и укрывает ими два лежащих рядом мертвых тела – мужское и женское.

– Умерла? – спросил Шевцов, потом кивнул на третий труп – кавказца, которого подстрелил через дверь Незванов. – Этому хотя бы глаза закройте.

– Перебьется, – буркнул Пашка и горестно посмотрел на погибших Зуевых. – Жалко стариков!

– Выводи женщин! – приказал ему Шевцов, а сам принялся разбирать чемоданы и рюкзаки над Синяевым, складывая их на передние сиденья. Синяев пошевелился, и Евгений начал трясти его за плечи. Когда тот обрел способность соображать, Евгений прокричал ему на ухо:

– Идите в кабину, в кабину, понимаете?

Синяев мотнул головой, и Шевцов повернулся к Чекалиной. Ольга Прудникова что-то тихо шептала ей на ухо, а Пашка, поддерживая Надежду Антоновну за локти, пытался поднять ее с сиденья.

В эту секунду Синяев схватил Шевцова за плечо и, тупо уставившись на него, пытался что-то сказать, еле ворочая заплетающимся то ли от удара, то ли от чрезмерного перегруза спиртным языком.

– Я же вам сказал – идите в кабину. В кабину, немедленно! – прикрикнул на него Евгений.

– Я хочу выйти наружу! – пробормотал Синяев и выдохнул столь густое облако алкогольных паров, что Шевцов невольно поморщился, но достаточно спокойно повторил:

– Идите в кабину, кому я сказал!

Петр Григорьевич в ответ внятно и громко выругался по матушке и схватил Шевцова за грудки.

– Сейчас же откройте мне дверь! – проревел он во весь голос. – Я хочу немедленно выйти из этого гроба!

Тогда Евгений, недолго думая, нанес ему резкий удар кулаком в солнечное сплетение, а затем, когда тот, хватая ртом воздух, согнулся пополам, свалил его на пол, ударив ребром ладони по шее. Подтащив Синяева к кабине, Евгений сказал Каширскому:

– Присмотрите за этим придурком. Пьян в стельку. Если начнет буяннить, бейте по голове.

Он вернулся в салон и взял Чекалина за руку.

– Пойдемте, – сказал он мягко.

Она покорно поднялась и направилась за ним, медленно, как сомнамбула. Шевцов довел ее до кабины и передал Артему. Потом повернулся к идущим позади Ольге и Пашке:

– Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота. – Он кивнул в сторону лежавшего ничком Синяева. – Похоже, что, протрезвев, он ничего даже не вспомнит. – И вздохнул. – Счастливцев! А нам его тушу сейчас придется через окно протаскивать. Не дай бог, не пройдет!

– Ничего, протолкнем!

Пашка залихватски подмигнул девушке, а Артем отметил, что молодые люди, видимо, успели найти общий язык. Он присмотрелся внимательнее и озадаченно хмыкнул про себя: тренерша только на первый взгляд казалась молоденькой, на самом деле была гораздо старше, лет этак тридцати с гаком. Артем почему-то обрадовался: обломался Павел, ох как обломался! Девка-то уже в возрасте, да еще и замужем поди? Он отвел от нее взгляд, стараясь не выдать свой внезапно возникший интерес к ней.

В подобной ситуации не должно быть ни женщин, ни мужчин. Только одна сплоченная команда, иначе им не выбраться отсюда, не выжить среди этого нагромождения скал в глухой тайге.

Шевцов тронул его за рукав:

– Нужно позаботиться о теплой одежде и продуктах.

– Черт, – Артем озадаченно посмотрел на него, – действительно, можем пропасть ни за грош. Но это дополнительный риск. Вертолет держится на честном слове... Я не...

– Он прав, – подала голос молчавшая до сих пор Ольга и окинула Артема недружелюбным взглядом, – без продуктов и теплой одежды мы загнемся в первую же ночь.

– Хорошо, – вздохнул Артем, – попробуем рискнуть. Кто пойдет?

– Я, – вызвался Шевцов, – но сначала нужно переправить всех на землю. И еще нам понадобятся карты местности.

– Это без проблем, – сказал Артем, – они в кармане моего сиденья.

– Я их захвачу, а ты займись людьми. И еще... – Евгений вытащил из-под сиденья автомат одного из угонщиков. – Возьми его. Не исключено, что он нам понадобится, а вот пистолет уже никуда не годен. – Шевцов повертел в руках изуродованный выстрелом журналиста пистолет второго бандита и выбросил его из кабины. – Теперь им даже воробьев не напугаешь.

Он вернулся в салон, а Артем с помощью Пашки и Ольги отправил сквозь разбитый бустер Каширского, крикнув Агнессе, чтобы она помогла профессору благополучно спуститься с вертолета. Потом они с трудом поставили обмякшего Синяева на ноги и бесцеремонно вытолкали в отверстие, где Незванов и Агнесса подхватили его и столь же бесцеремонно отправили на землю.

Следом достаточно ловко и быстро выбрался Пашка, вытянул за руку Ольгу, и уже через секунду Артем услышал громкую перебранку. В спешке его второй пилот спрыгнул прямо на Синяева, чем окончательно привел того в чувство.

Тем временем Евгений стал передавать из салона чемоданы, а Артем выкидывал их в окно. Судя по громким Пашкиным комментариям, некоторые чемоданы и сумки то ли раскрылись, то ли порвались, но большинство все-таки выдержали.

Внезапно вертолет завибрировал и начал крениться набок.

– Шевцов, вылезай! – закричал Артем.

– Тут немного осталось.

– Кому я сказал, вылезай! – взревел Артем. – Ты что, идиот? Вертолет вот-вот свалится к такой-то матери!

Голова Шевцова просунулась в кабину, и Артем цепко ухватил его за шиворот и, как пробку из бутылки, рванул на себя. Только-только они успели спрыгнуть на землю, как искореженный нос вертолета задрался кверху и машина, опрокинувшись через кромку скалы, со скрежетом и грохотом, подняв за собой облака снежной пыли, исчезла в ущелье.

Через несколько секунд раздался глухой удар, и вверх взметнулись клубы пламени, простеганные черными языками дыма.

– Господи! – в один голос выдохнули все, а Чекалина перекрестилась и что-то зашептала, быстро-быстро шевеля серыми от страха губами.

Таранцев обвел взглядом людей, молча стоявших рядом с ним, затем посмотрел на окружавшие их угрюмые дикие горы. Порыв холодного ветра, проникший сюда из скальных глубин, заставил всех поежиться. Встретившись глазами с Шевцовым, Артем сжал зубы. Евгений, похоже, не хуже его понимал, в какую передрыгу они попали, и то, что они избежали гибели вместе с вертолетом, совсем не означало, что их мытарства на этом закончились.

Глава 6

Путь вниз занял более трех часов. Часы показывали десять, когда они достигли первых деревьев, и одиннадцать, когда они вошли в таежную чащу.

Здесь было значительно теплее – исчез ледяной пронизывающий ветер, который дул со снежников, – но стало неимоверно сыро. И вскоре они вымокли до нитки от невысохшей утренней росы, покрывавшей все вокруг. Громадные пихты, униженные каплями, словно бисером, низвергали настоящие водопады, стоило нечаянно задеть их. Невольные путешественники останавливались на редких полянах, стараясь хоть немного обсохнуть под нежаркими еще лучами солнца, но стоило вступить под мрачные своды таежного глухолесья, как вновь на них обрушивались потоки ледяной воды, от которых не спасали ни теплые куртки, ни плащи, промокшие насквозь в первые же минуты перехода по лесу.

Наконец они вышли к неширокой, но бурной, порожиистой реке. Артем в очередной раз вытащил из кармана карту, они с Шевцовым тихо посовещались, потом обвели взглядом притихших товарищей по несчастью, и Артем скомандовал:

– Ну, все! Привал! – и посмотрел на часы. – В тринадцать ноль-ноль мы должны покинуть сии благословенные места, а сейчас нужно развести костер, обогреться, осмотреть ноги, нет ли у кого потертостей! Давайте к тому же проверим, что у нас имеется из продуктов.

Продуктов оказалось не густо. Три пачки печенья, пакетик леденцов, два банана и баночка меда.

Незванов выложил на приспособленное вместо скатерти полотенце пачку сигарет, а Агнесса – мятные таблетки, которые здесь были явно ни к селу ни к городу, и женщина, застеснявшись, вновь убрала их в карман куртки.

Тем временем Незванов и Рыжков натаскали дров. Каширский развел костер, и бывшие пассажиры вертолета расселись кто на чем придется возле огня, постаравшись теснее прижаться друг к другу. Только Синяев устроился поодаль. Он страдал от похмелья и волком поглядывал на Шевцова.

Надежда Антоновна полностью избавилась от страха. Стоило ей ощутить твердую почву под ногами, как она вновь обрела уверенность, но по тому, с какой опаской она порой оглядывалась назад, где догорали останки вертолета, Артем понял, что она теперь до конца дней своих не сядет в самолет. Однако сейчас она проявила вдруг замечательные качества медсестры и быстро и аккуратно забинтовала голову зоологу, а потом перевязала руку Шевцову, который, оказывается, был слегка задет срикошетившей от обшивки автоматной пулей. Все это время он терпеливо сносил боль, не обмолвившись о ранении ни единым словом, пока Каширский не заметил кровавое пятно, проступившее сквозь рукав куртки.

В то время как Надежда Антоновна, охая, разматывала самодельную повязку из разорванной надвое майки, Артем подумал, что Шевцов – очень интересный человек и совсем не похож на предпринимателя, по крайней мере, на тех, с которыми Таранцев был знаком. Хотя Шевцов не был медиком, но обладал некоторыми врачебными навыками. Артем определил это по тому, какие он давал советы Надежде Антоновне, колдовавшей над его раной. Он оказался смелым и решительным, а в сложившейся ситуации это были очень ценные и крайне необходимые качества...

– Наверное, пилотам следует рассказать нам, что же произошло на самом деле и откуда взялись эти угонщики? – прервал размышления Артема Каширский.

Артем повернулся к нему и пожал плечами:

– В Горячий Ключ мы летаем практически ежедневно, но этот рейс был незапланированным, к тому же мы вылетели гораздо раньше, чем обычно, а двух кавказцев для полноты

комплекта подхватили уже перед самым вылетом. Павел, – обратился он к напарнику, – ты в курсе, как они умудрились пройти на поле, миновав контроль?

– Ну, вы прямо как маленький, – покачал головой Пашка, – на это поле танк заедет – никто не заметит. Тем более в такую рань. И потом, кто-нибудь когда-нибудь мог подумать, что в нашей дыре объявятся вдруг угонщики, да еще такого драндулета, как наш?

– Вы их посадили без билетов? – строго спросила Ольга, устремив на Артема взгляд своих бархатных глаз.

Он удрученно развел руками, вспомнив нехоти про сгоревшие вместе с вертолетом деньги.

– Ваше разгильдяйство, Таранцев, привело к гибели двух замечательных людей, – сказал сухо Каширский, – и я думаю, вас ждут серьезные неприятности по возвращении.

– А вот про возвращение лучше не загадывать, – проворчал Шевцов и натянул на забинтованную руку рукав сорочки. – Давайте не будем сейчас выяснять степень вины летчиков: несмотря ни на что, они с честью вышли из ситуации. И если бы не мастерство Артема Егоровича, трупов могло быть гораздо больше. Я бы в подобной ситуации не справился. – Он поднялся на ноги и с высоты своего довольно приличного роста оглядел товарищей по несчастью. – Нам нужно выходить к жилью. А это совсем не просто. Для тех, кто не ходил по горной тайге, объясню более популярно: на каждый таежный километр вы затратите раза в три больше сил, чем тратите в городе. Причем у нас нет продуктов, нет палаток, нет средства против гнуса, а из оружия имеется всего один пистолет с запасной обоймой к нему да автомат с наполовину пустым магазином.

– Без палаток можно обойтись, – заметил Рыжков, – в наших силах соорудить шалаши для ночлега. А что касается пропитания, то у меня есть леска и несколько крючков, поэтому можно заняться рыбалкой и ставить силки на птиц и мелкое зверье. А еще я знаю, как устанавливать ловушки не только на зверя, но и в воде, на рыбу. Можно сказать, обладаю универсальными браконьерскими навыками. А вот посмотрите, что я прихватил по пути. – Он полез в сильно оттопыренный карман куртки и вытащил серый, по виду напоминающий кусок грязного весеннего льда обломок. – Это – каменная соль. Видно, ее сюда забросили для оленей. Они основательно ее облизали, но и нам кое-что осталось.

– А я думаю, зачем этот чужак куски льда с земли поднимает? – улыбнулась Чекалина.

– Без соли нам не обойтись, – улыбнулся в ответ зоолог и достал из второго кармана желтоватый корешок, похожий на большую чесночину. – Это таежная лилия, саранка, ее луковица очень богата крахмалом. Во время войны, да и после, это было самое желанное лакомство для ребятни. – Он огляделся по сторонам. – Будем собирать черемшу, а кроме нее сколько еще есть всяких травок полезных: и медуница, и подорожник, и первоцвет... Можно делать салаты. Конечно, это не очень сытно, но все лучше, чем ничего. А ведь еще есть лишайники. Смотрите, прямо у нас под ногами их два вида – всем известный ягель и исландский мох. На Севере из них варят нечто вроде каши. По питательности не уступают картофелю. Только их надо сначала хорошо вымочить в растворе золы, а потом варить. Лишайник можно и солить, как папоротник. Я пробовал. Достаточно прилично на вкус, если, конечно, сильно есть захочешь... А еще можно по закрамам кедровки и бурундука пошарить, горсть-другую орехов отыскать. Так что худо-бедно, но выживем, друзья, тайга с голоду умереть не даст. А сколько здесь нетрадиционных продуктов питания и на суше, и в воде...

– Что вы имеете в виду? – подозрительно спросил Артем.

– Ну, хотя бы тех же лягушек.

– Фу, гадость! – скривилась Агнесса.

– Ну почему же гадость? – пожал плечами Рыжков. – Объясните, чем килограмм лягушечьего мяса отличается от килограмма зайчатины или медвежатины? Только за килограммом зайчатины надо еще побегать, а будешь охотиться за килограммом медвежатины, так, того

гляди, не только аппетита, но и жизни можешь лишиться. А лягушек добывать проще простого. Конечно, вес одной лягушки раз в двадцать меньше, чем зайца, но добыть ее в сто раз легче. А сколько вокруг всяческих грызунов, птиц, насекомых, в конце концов. А в воде, помимо рыбы и лягушек, пруд пруди различных моллюсков... Ешь – не хочу, просто надо уметь их приготовить.

– Ну, Аркадий Степанович, по вашим словам, тут не тайга прямо, а чуть ли не Елисейский гастроном, – усмехнулась Агнесса. – Скатерть-самобранка, да и только! А ковра-самолета у вас, случайно, в запасе не найдется? Мы ведь около трех километров прошли и то уже расклеились, а что дальше будет?

– Ради бога, Агнесса Романовна, – поморщился с досадой Незванов, – в кои-то веки подобное приключение выпадает, а вы каркаете!.. Это ж какой классный материал получится: полет на списанном вертолете, угонщики, катастрофа, блуждание по тайге! Скажи кому, не поверят, что все – одновременно и мне одному!

– Я бы тоже хотела, чтобы все тебе одному досталось, – неодобрительно проворчала Агнесса, – но нет, приходится на всех делить!

– Да я ведь о статье говорю, а не о чем-то другом.

Незванов посмотрел на Артема, словно просил о поддержке. И тот сказал примиряюще:

– Все нормально, Дима! Материала для статьи у вас будет в избытке, даже для нескольких статей, я думаю.

– И одна будет называться «Из зала суда», – пробурчал со своего места Синяев, – я клянусь, что еще сдеру с вашей паршивой компании все издержки. И за моральный ущерб, и за материальный... Я вас без штанов оставлю...

– Ну что ж, если вам доставит удовольствие любоваться моей голой задницей, то могу хоть сейчас вам ее показать, не дожидаясь решения суда. – Артем с вызывающим видом обернулся к Синяеву. Тот побагровел, но смолчал и поспешно отвел взгляд.

– Ребята, ребята, – хлопнула в ладоши Ольга, – прекращайте ссориться! – И неожиданно для Артема попросила его: – Берите командование на себя, а в заместители мы вам назначим... – Она обвела взглядом мужчин и остановила его на Шевцове. – Женю, например. Согласны?

Она улыбнулась Артему вдруг так открыто и доверительно, словно и не сидела в салоне несколько часов назад с надменным и безучастным видом, отчего стала еще красивее и моложе. Впрочем, это его не слишком обрадовало, потому что сразу чересчур велика оказалась разница в возрасте, что существенно уменьшало его шансы на успех...

«Олух царя небесного, – обругал он себя, – размечтался, идиот, слюни распустил. Нужен ты ей... Вон и Шевцов уже для нее просто Женя, и Незванов все время рядышком крутится, да и Пашка тетеревом выплясывает... А ты кто? Всего лишь бывший пилот бывшего вертолета. И впереди светят довольно мрачные перспективы. Ведь обязательно всплывет, что эти сволочи были „левыми“, а вертолет шел с большим перегрузом. Арсеньев, конечно, еще тот козел, но командир вертолета я, и, значит, мне отвечать по полной программе», – тоскливо подумал Артем. Он вздохнул и решительно объявил:

– Ладно, слушай мою команду! Аркадий Степанович, – он посмотрел на зоолога, – назначаю вас своим замом по тылу. Распределите сейчас на всех печенье, а вместо чая – вода из ручья, можно добавить туда меда. Сами понимаете, с пустым желудком много не пройдешь.

– Хорошо. – Рыжков вскочил на ноги. – Молодежь, срочно в лес искать бересту. Соорудим из нее туеса для воды. – И повернулся к женщинам: – Может, у кого-то есть нитки и иголки, чтобы сшить края?

– Тут не иголку надо, а шило, – проворчал недовольно Синяев. Он достал из брюк перочинный нож, богато украшенный инкрустацией, и предложил: – Давайте я туесами займусь. У моего деда пасека была, так он в туесах мед хранил и меня научил их делать.

– Прекрасно, – кивнул зоолог, а Шевцов весело подмигнул Артему. И тот подумал, что, кажется, они понимают друг друга уже без слов.

Через четверть часа все были при деле. Женщины окружили Синяева, который, посматривая на них исподлобья, что-то ворчливо объяснял и показывал, как правильно свернуть полосу бересты.

Пашка и Незванов, весело пересмеиваясь, готовили удочки для ловли рыбы, а зоолог демонстрировал им, как привязывать крючки, и тут же, поймав крупного паута,¹ использовал его как наживку.

– Oh! Yes! – Незванов хлопнул Пашку по плечу. – Отважные охотники и рыболовы племени вау-гау берут повышенные обязательства и обязуются накормить всех голодных от пуза! – И он воткнул пестрое перо кедровки в буйную Пашкину шевелюру.

Каширский с улыбкой покачал головой:

– Завидую вам, Дима, даже катастрофу вы способны превратить в пикник.

Незванов серьезно отозвался:

– Ну, давайте все превратим в трагедию, а через час-полтора будем друг друга зубами рвать. Лучше представим, что все мы здесь по доброй воле и проходим специальный курс выживания в тайге. Элементарный турпоход, и поэтому следует извлечь из него максимум удовольствия.

Артем присел на камень у костра, развернул свои карты и подозвал Шевцова. Затем выбрал из них нужную и поставил карандашом в одном месте крестик.

– Это выход из каньона реки Ара-Шутгулай. Здесь бандиты мне приказали взять азимут сто восемьдесят два. Таким образом, мы повернули практически на юг. Ориентиром они назвали перевал Додо-Хутэл. – И Артем поставил на карте еще один крестик.

– Учти, мы прошли над озером Обогол где-то минут за десять до того, как ты начал закладывать виражи. – Шевцов ткнул в озеро пальцем. – Погибший старик узнал его первым и забеспокоился, что мы идем в другом направлении. Я тоже это заметил по солнцу. Зная скорость вертолета, можно определить хотя бы приблизительно, где мы находимся.

– Мы летели по курсу сто восемьдесят два чуть больше двадцати минут со скоростью, скажем, сто десять километров в час. Значит, пролетели примерно тридцать пять – сорок километров. И это приводит нас... сюда. Затем перевалили через скалы. Кажется, вот это ущелье мы только что форсировали. – Артем поставил еще один крест и, задумчиво прикинув по карте, сказал: – До перевала оставалось километров двадцать, не больше.

Шевцов заглянул через его плечо в карту.

– Тут же километров на двести вокруг никакого жилья. Какого черта им понадобилось сажать в этих местах вертолет?

– Понятия не имею, – пожал плечами Артем, – но сейчас мы, если судить по карте, находимся на левом берегу Торбоготая. Где-то километрах в восьми вниз по течению – развалины пограничной заставы. Здесь до сорок четвертого года проходила граница с Тувой. Чуть выше старые, еще дореволюционные горные разработки. Кажется, там добывали медь или цинк и использовали труд каторжников. Естественно, никаких жилых строений не сохранилось. Странно, но дорога почти не пострадала от времени. Или кто-то поддерживает ее в приличном состоянии. Но кто? Кому это под силу в горах? – Артем с удивлением рассматривал карту. – Главное, здесь ее нет и в помине. Но я не мог ошибиться. Азер приказывал мне садиться именно на дорогу. Но там уж точно всем бы пришли кранты.

– Заметь, Артем, несмотря на риск, им нужен был именно этот пятачок, – задумчиво сказал Шевцов. – Что тут может прийти на ум?

¹ Паут– овод (сибир.).

– Честно сказать, ничего умного не приходит, – признался Артем. – Если это было бы на Кавказе или в Афганистане, то я подумал бы, что где-то поблизости расположена секретная база боевиков или душманов. Но я вас умоляю, душманы в нашей тайге?

– Действительно, ерунда полнейшая! – пожал плечами Шевцов. – Но зачем-то им понадобился вертолет в этой глухомани?

– Потому что вертолет как раз самое лучшее средство передвижения в наших местах. И, скорее всего, что-то они хотели вывезти отсюда. И очень срочно. Поэтому они и решились угнать вертолет. Первый, который подвернулся им под руку. И нужен он был им всего на один рейс, самое большее – на два. Иначе не стали бы угонять нашу развалюху...

– Я думаю, эту загадку нам все равно не разгадать, – сказал Шевцов, – хотя помнишь, как он кричал, этот азер? Вас, мол, всех прикончат, потом что-то про рабов упоминал...

– Может, он и не азер вовсе, – Артем почесал карандашом в затылке и в раздумье уставился на Шевцова, – может, и вправду им не вертолет нужен был, а люди, которых легко превратить в рабов, а потом потребовать за них выкуп?

– Чуть полнейшая, – махнул рукой Шевцов и опять заглянул в карту. – Скажи, а это что за строения? Обозначены как нежилые. Километров сто отсюда.

– Леспромхозовский поселок. Сейчас леспромхоз развалился, люди разъехались кто куда, но штук шесть семей осталось. Староверы.

– У них есть связь с Большой землей?

– Должна быть, как-то ведь они с внешним миром общаются. По крайней мере, у нас нет другого выхода. Надо добираться до поселка. Даже если у них нет связи, соорудим плоты и поплывем дальше на них.

– Да-а, – вздохнул Шевцов, – с нашим табором да на плотях...

– Но это гораздо лучший вариант, чем ползать по скалам. Смотри, – Артем ткнул пальцем в карту, – нам придется подняться на высоту до трех километров. И где гарантии, что среди пассажиров нет сердечников?

– Не знаю, как с остальными, но с Синяевым нам придется повозиться. – Шевцов слегка понизил голос. – С его габаритами только и ходить по горам. И почему он решил отправиться в Ключ? Ему от алкоголизма надо лечиться, а там этим вряд ли занимаются.

– Брось голову этим придурком забивать, – посоветовал Артем, – давай лучше подумаем над маршрутом. Боюсь, что многие могут свалиться от недостатка воздуха. Я знаю, что это такое. Голова просто разламывается, тошнит...

– В разреженном воздухе надо дышать без натуги, и тогда все обойдется.

– Тогда лучше совсем не дышать, – усмехнулся Артем.

– Нет, почему же, дышать надо, но я же говорю – без усилий, в этом случае кислорода будет хватать. А если слишком глубоко заглатывать воздух, то из легких выдыхается весь углекислый газ, а это нарушает формулу крови, и начинаются судороги.

– Так ты все же медик?

– Нет, но я когда-то на собственной шкуре изучил, что такое горная болезнь, – ответил Шевцов. Он поднялся на ноги и сверху вниз посмотрел на Артема. – Я более двадцати лет отпахал на государство. Но не так давно у меня не раскрылся парашют...

Глава 7

Дмитрий Незванов и Пашка весьма преуспели в совместной рыбалке и за полчаса натаскали из реки более полусотни рыбешек. Рыжков на пару с Надеждой Антоновной запекли их в глине, и попавшие в беду люди впервые поняли, что с голоду они не пропадут.

Рыжков, воодушевленный первой победой, предложил на выбор еще печеные корни лопуха или луковицы саранки. На дегустацию отважились только Незванов и Шевцов, но Артем приказал забрать все с собой, рассудив, что рыба не всегда имеет привычку клевать, тогда и эти дары дикой природы сойдут за милую душу.

Таранцев приказал всем надеть на себя как можно больше одежды, а остальные вещи бросить вместе с чемоданами и сумками. Только рюкзак Агнессы решили взять с собой – одежды в нем было немного, да и то практически всю владелица натянула на себя, но там имелись еще альпинистские веревки, скальные крючья, репшнуры, молоток для забивания крючьев и, самое главное, компас, без которого им пришлось бы ориентироваться по солнцу или звездам, что в условиях постоянной плохой видимости было весьма проблематично.

Постановили, что мужчины понесут рюкзак по очереди.

Первым по жребью выпало нести Синяеву. Тот заворчал сердито, и Артему пришлось сдерживать себя, чтобы не отвесить ему тумака: он не хотел обострять отношения, к тому же допускал, что Синяев может кинуться в драку, а это было уже совсем ни к чему.

* * *

Сначала им повезло, звериная тропа долго виляла вдоль берега, идти было сравнительно легко, но потом она круто ушла вверх. Теперь пришлось карабкаться сквозь нагромождения валунов, покрытых толстым слоем мха, заросших кашкарой и карликовой березкой. То и дело они пересекали подтаявшие снежники, там, в ложбинах, снег лежал еще по пояс, под ним таились ручьи, которые превращали снег в жидкую кашу, поэтому, попав пару раз в подобную купель, Артем решил обходить коварные ловушки верхами, что значительно затрудняло и замедляло путь. К вечеру они едва-едва прошли около шести километров и на ночлег остановились в длинном узком ущелье.

Из жердей, коры и веток пихты соорудили примитивный шатер, накрыли его сверху куском полиэтилена, который также нашелся в рюкзаке у Агнессы, и улеглись, тесно прижавшись друг к другу, не слишком заботясь о приличиях. Поэтому, проснувшись под утро, Артем обнаружил, что со спины его крепко обнимает за талию Надежда Антоновна, а на плече устроилась Ольга Прудникова. Последнему обстоятельству он был удивлен более всего, потому что с вечера – он помнил это точно – Ольга легла с противоположного от него края в компании молодых людей, Артем же разделил ложе с Шевцовым, который к утру куда-то испарился.

Артем приподнял голову, стараясь не шевельнуть рукой, чтобы не разбудить девушку. Надежда Антоновна что-то пробормотала во сне и еще теснее прижалась к нему своей пышной и теплой грудью, и Артем понял, почему впервые за последние годы у него не мерзла раненая спина.

За стенами шалаша потрескивал костер, и, подняв голову, Таранцев увидел, что в шалаше, кроме него и Синяева, никого из мужчин нет. Артем высвободил руку, но Ольга не проснулась, и он с сожалением подумал, что впервые на его плече спала самая красивая из всех девушек, каких он когда-либо знал, но он даже не поцеловал ее, потому что слишком явно представлял последствия этого поцелуя. Артем осторожно выбрался из шалаша и с радостью определил, что дождя ночью не было, и, хотя все ближайшие горы затянуло серой пеленой

тумана, сквозь него проглядывают редкие пока ярко-голубые лоскутки неба, а сильный верховой ветер позволяет надеяться, что через пару часов тумана и в помине не останется.

Мужчины повернулись к нему, и Артем понял, что они сильно встревожены.

– Что случилось?

Он плотнее запахнул куртку. После жарких объятий Надежды Антоновны он быстро замерз на холодном ветру. Каширский уступил ему место у костра и, усиленно дымя трубкой, отошел в сторону. Артем поблагодарил его кивком и вопросительно посмотрел на Шевцова. Тот сидел, положив автомат на колени и угрюмо уставившись на огонь. За него ответил Незванов:

– Пока все спали, Евгений Александрович пробежался по окрестностям разведать местность и кое-что выяснил. Не очень приятное...

Шевцов поднял голову:

– Кажется, Артем, мы не ошиблись: что-то в этих горах имеется... – Он кивнул на скалистую гряду, возвышавшуюся перед ними. – Я поднялся с километр вверх и действительно обнаружил дорогу среди скал. Кое-где она идет серпантином, а на поворотах видны следы взрывных работ. Интересно, кому и для чего она понадобилась в этой глухомани? Тем более что по ней может проехать только одна машина, две там не разминутся.

В это время из палатки подтянулись женщины.

– Точно так же, как кому-то понадобился вертолет, – сказал Артем. – И дела эти грязные, я вам скажу. Нам еще повезло, что бандиты оказались олухами. При другом раскладе не они, а мы бы уже отошли в мир иной. Свидетелей они не оставляют.

Тут он заметил, как побледнела Чекалина, Агнесса нахмурилась, а глаза Ольги сузились, и она прикусила губу. Возможно, ему не следовало высказываться так резко при дамах, но жалость и сочувствие в данном случае недопустимы. Нужно собрать все силы, даже последние, в кулак. И действовать только вместе. Для одиночки, тем более впервые попавшего в тайгу, отсутствие поддержки – это верная смерть.

Незванов вдруг похлопал себя по груди, и Артем вспомнил, что журналист – единственный, у кого, кроме Шевцова, есть еще кое-какое оружие, и содрогнулся от ужаса, представив, что произойдет, наткнись они на засаду боевиков... И тут же рассердился на самого себя. Какие, к дьяволу, боевики в глухой сибирской тайге!

А Шевцов продолжал говорить медленно и устало:

– На снегу там хорошо заметны следы автомобильных шин. Кто-то здесь был совсем недавно, и нет никакой гарантии, что не появится снова, и в самом скором времени. – Он потер лоб ладонью, и Артем увидел, как осунулось и изменилось лицо Шевцова за одну эту ночь.

– Евгений, у меня есть фляжка водки. Я берег ее на самый крайний случай. Может, хлебнешь пару глотков? Легче станет...

Шевцов протянул руку:

– Дай-ка...

Артем вынул фляжку из внутреннего кармана куртки и передал ее Евгению. Тот отвинтил крышку, понюхал.

– Да, не бог весть что, но сгодится. – Он с любопытством посмотрел на Таранцева. – Вы такое пьете?

– А что, – ответил Артем слегка вызываяще, – любимый напиток народных масс от бомжа до президента.

– Ну, допустим, президент пьет хорошо очищенную, а тут сивушных масел явно выше нормы.

– Я – бедный человек, – усмехнулся Артем, – где ж мне с президентами тягаться?

Каширский засмеялся:

– Когда я был студентом, стипендия у нас была мизерная, но пузырь с нее всегда покупали за три шестьдесят две, как сейчас помню.

Шевцов тоже улыбнулся:

– Ладно, пролетариев вожак, оставим твое пойло на потом.

Он завинтил крышку и вернул фляжку Артему.

Заталкивая ее обратно в карман, Таранцев перехватил алчущий взгляд Синяева, выполнявшего в этот момент из шатра, и очень галантно улыбнулся ему.

* * *

Солнце медленно, словно с неохотой, поднималось над зубчатой грядой гор, над мокрой, истерзанной ветрами тайгой, над притихшими речными перекатами. Река поблескивала в про-
рехах влажного, придавившего ее тумана и ворчала, глухо и незлобиво, на валуны, вставшие на ее пути.

Артем огляделся. Их бивак располагался на крошечной поляне, поросшей молодым смешанным лесом. Справа путь преграждал скалистый мыс, высунувшийся далеко в реку. Вечера вечером он стал непреодолимой преградой для вымотавшихся, голодных людей. И хотя они сознавали, что ночевка в узком, насквозь продуваемом ветрами ущелье мало прибавит им сил, ничего другого не оставалось: карабкаться в сумерках по отвесным кручам было крайне опасно, да и где гарантия, что удалось бы найти более удачное место для отдыха.

А солнце поднималось все выше и выше. Ветер содрал с реки остатки тумана, и все ожило, окружающий мир наполнился новыми красками и ароматами. В блеске утренних лучей преобразились камни, скалы, столетние кедровые. В кустах во всю мочь голосила птичья мелочь, добродушно шумела прибрежная тайга, и даже волны на перекате плясали по-особому весело.

К Артему подошел Шевцов. Окинул угрюмым взглядом мыс и негромко заговорил:

– По дороге идти не стоит.

Артем понял, что Евгений специально приглушил голос.

– Неизвестно, куда она ведет, но, думаю, нам там делать нечего. Чует мое сердце, что нас вот-вот кинутся искать. И не только МЧС. А они нас будут искать, естественно, гораздо западнее.

– Искать нас начнут, скорее всего, только к вечеру. Рейс – экстренный, внеплановый. О нем никто не спохватится, пока Арсеньев не всполошится, что машина не вернулась в положенные сроки.

– Но зато быстро спохватятся и будут рыскать повсюду те, кому понадобился вертолет. Наверняка они уже побывали на месте катастрофы и в самое ближайшее время нас непременно настигнут.

– Что ты предлагаешь? – тихо спросил Артем.

Шевцов усмехнулся:

– Предлагаю пока всем отсидеться где-нибудь в кустах. А я в компании журналиста пробегусь по ближайшим горам, посмотрю, что к чему.

– А почему в компании журналиста, а не со мной, к примеру?

– Потому что ты ас в небе, а я – на земле. И журналист нужен мне потому, что у него есть ствол, который он никому не доверит. – Евгений хлопнул Артема по плечу. – Кроме того, ты единственный, кто в состоянии усмирить эту вольницу и направить ее энергию в нужное русло.

– Хорошо, – Артем оглянулся на гомонящих около костра людей, – я уведу их глубже в тайгу, но мы ведь не сможем ждать до бесконечности. Они – голодные, не выспались как следует...

– Вот и выбери место к солнышку поближе. Тут недалеко озеро есть, и рыбешка вроде плещется. Так что совместите приятное с полезным. Рыбку половите, на песочке понежьтесь. –

Шевцов хитровато прищурился. – Я смотрю, некоторые, кстати, привлекательные особы на тебя глаз положили, так что не упускай возможности, пока сами в руки идут.

– Кто идет?

– Возможности, естественно. А дамы пока только приглядываются. И не дай бог им разочароваться.

Артем рассмеялся:

– Ладно, проваливай! Как-нибудь сам разберусь, только учти, на все про все тебе четыре часа.

* * *

Но уже через час их нашел Незванов. Журналист появился на берегу озера, задыхаясь от бега по тайге. Последний десяток метров он прошел шагом, спотыкаясь и смахивая с побледневшего лица пот.

– Что случилось? Засада? – вскочил ему навстречу Артем.

Дмитрий, все еще задыхаясь, с трудом выговорил:

– Там люди... в скале... за железной решеткой. Человек восемь-десять. И два охранника... И больше никого. Евгений Александрович велел нам подтягиваться. Только женщины пусть останутся в укрытии.

– Еще чего! – Агнесса выступила вперед. – Я тренированнее и сильнее доброй половины из вас. Хотите помериться? – с вызовом спросила она Артема.

– В другой раз и при других обстоятельствах, – усмехнулся он и посмотрел на Незванова. – Я думаю, нам надо быть осторожнее. Мы ничего не знаем об этих людях, но, если судить по тому, что одни – за решеткой, а другие их охраняют, дело тут нечисто. Прежде чем двигаться дальше, нужно хорошо осмотреться. Может, этих «охранников» гораздо больше и они бродят где-нибудь поблизости.

– Вы правы, Артем Егорович. – Каширский выбил золу из трубки и затолкал ее в нагрудный карман жилета. – Бандит перед смертью говорил, что нас, мол, схватят, помните? Мне кажется, что скоро мы можем на кого-нибудь наткнуться.

– Хорошо, – согласился Артем. – Я, Дмитрий и Павел пойдем первыми, будем просматривать местность. Все остальные должны находиться в укрытии, пока мы не подадим сигнала, что дорога свободна. И приказываю не слишком высовываться, особенно на открытой местности, а если мы подадим сигнал тревоги, сразу ложиться на землю, прятаться за камни, кусты.

Все молча поднялись на ноги. Артем снова заметил испуганный взгляд Чекалиной, любопытный – Ольги и возбужденный – Агнессы. Синяев смотрел настороженно и зло, но помалкивал, Каширский в это время помогал Рыжкову надеть рюкзак, обоим было не до эмоций. И Артем завершил инструкции:

– Если услышите стрельбу, замрите, не дышите и носа из укрытия не показывайте. Почти сто процентов вероятности, что мы можем попасть в переделку. Поэтому на время моего отсутствия я назначаю командиром... – он сделал паузу, – Каширского Юрия Федоровича. Кстати, вы доктор каких наук?

– Исторических. – Каширский усмехнулся. – Командиром меня назначили впервые, но мне это нравится. Звучит не хуже, чем «завкафедрой».

Ольга подошла к Артему и коснулась его плеча:

– Артем Егорович...

– Да, Ольга Вячеславна?

– Пожалуйста, будьте осторожны, вы и ребята. Мне бы не хотелось, чтобы с вами что-то случилось.

– Мы будем очень осторожны, Ольга Вячеславна. – Артем улыбнулся и пожал ей руку. – Спасибо за заботу. Честно сказать, я уже забыл, когда меня в последний раз просили быть осторожнее.

Она улыбнулась в ответ и отошла к женщинам.

Артем присоединился к ожидавшим его Пашке и Дмитрию, и они углубились в тайгу, со всех сторон защищавшую озеро от посторонних глаз.

Километра через полтора они наткнулись на Шевцова. Евгений лежал за грудой камней на краю откоса, положив рядом с собой автомат, и всматривался вниз.

Артем лег рядом. Среди камней виднелось небольшое строение, хижина, терявшаяся на фоне унылых, покрытых серым лишайником валунов.

– Я уже кое-чего разглядел, – прошептал Шевцов. – Мы как раз вышли к бывшей погран-заставе. И правда тут сплошные развалины. Два мордоворота, судя по всему, охрана, выгнали людей из той вон дыры в скале, вероятно, старой штольни, и загнали в другую дыру, причем, опустили за ними решетку. Одного прихватили с собой и, пока вели его, все время избивали. Они вооружены автоматами и резиновыми дубинками. Больше никто из избушки не показывался. Отсюда напрашивается вывод, что кроме них людей в лагере нет. Но нет и ни одной машины, следы которой мы видели на снегу. Выходит, остальные или ищут нас по тайге, или вообще пока отсутствуют. Не может быть, чтобы эти два дебила отсиживались здесь ради собственного удовольствия. И мужика избивать у них, видимо, тоже причина есть, и основательная.

– Я думаю, нам нужно разобраться во всем на месте, – задумчиво сказал Артем и скосил глаза на Незванова. – Пушку дашь?

– Что-то мне совсем это не нравится. – Дмитрий подполз к ним и передал пистолет Артему. – Держи, командир. Умеешь пользоваться?

– Да уж как-нибудь соображу что к чему. – Артем затолкал пистолет за ремень. – Сейчас мы с Евгением Александровичем двинемся в обход и постараемся подойти к избушке незаметно. Похоже, мужика надо выручать. Если охранники что-то заподозрят, забеспокоятся, нужно предпринять отвлекающий маневр.

– Каким образом? – уставился на него Пашка. – Бросать в них камнями, что ли?

Шевцов беззвучно рассмеялся, а Артем показал своему второму пилоту кулак и пояснил:

– Мы окажемся гораздо ниже избушки, обзор у нас будет ограничен, так что, если все будет спокойно, сидите и не шевелитесь, а ежели кто появится со стороны реки или леса, дайте знать. Прокричите, к примеру, пару раз кедровкой. – Он приложил руку к губам и прокричал резко и требовательно, точно рассерженная и голодная птица.

Он посмотрел на Незванова, и тот молча кивнул в ответ.

* * *

Пашка и Дмитрий остались наверху, а Артем и Шевцов спустились вниз. Из единственного строения, которое они рассмотрели с откоса, доносились громкие крики и отчетливая ругань. Из штольни, в которой за решеткой находились люди, – ни звука. Евгений подал Артему знак укрыться между камнями, а сам побежал к строению, причем особым манером, семена и петляя, как опытный боец, уклоняющийся от выстрелов. Артем с интересом наблюдал за ним: Шевцов проговорился, что может, к прочим своим талантам, прыгать с парашютом, а сейчас вел себя как хорошо обученный пехотинец.

К тому же он неплохо ориентировался в ситуации и явно привык командовать...

Евгений скрылся в камнях за хижиной, но через несколько секунд Артем заметил его руку, мелькнувшую из-за стены: Шевцов подзывал его к себе.

Артем пригнулся и побежал, делая широкий полукруг, чтобы подойти к хижине под углом, недоступным для обстрела из единственного крохотного окна.

Шевцов встретил его довольной улыбкой:

– Смотри, что я обнаружил. Тут же полно продуктов!

Действительно, за стеной строения находилось несколько деревянных, обитых по краям металлическими полосами контейнеров, и один из них был заполнен доверху консервами. Не слишком большой и разнообразный выбор, но неоценимая находка для людей, голодавших уже более полутора суток.

Артем ликующе улыбнулся и хлопнул Шевцова по плечу:

– Живем, братишка! – Он оглянулся на строение. – Что там?

– Как я и говорил, два охранника с небольшими перерывами избивают какого-то мужика.

– Я думаю, надо вмешаться.

– Согласен. Прикрой меня. – Шевцов скользнул к двери.

Артем навел пистолет на дверь, а Шевцов набрал полную горсть мелкой щебенки и бросил ее в окно. Почти мгновенно распахнулась входная дверь, и на пороге возник дюжий охранник в камуфляже, с автоматом на изготовку. Что было сил Шевцов ударил его прикладом в спину, охранник охнул, переломился в коленях и в следующую секунду уже валялся на земле, а автомат переключался в руки Евгения.

– Окно! – крикнул тот и перекинул Артему автомат охранника.

Не мешкая, Таранцев бросился к окну, выбил прикладом стекло и метнулся в сторону, прижался к стене, держа входную дверь под прицелом. И вовремя.

Из окна ударила автоматная очередь. Пули выбили искры из гранитных валунов и зарылись в щебенку. Почти одновременно с очередью раздался громкий мат и вскрик, словно человек внезапно напоролся ногой на гвоздь. И уже в следующее мгновение из разбитого окна высунулась довольная физиономия Шевцова.

– Ну что, пилот, жив?

– Жив, – проворчал Артем и покачал удивленно головой, узрев второй автомат в руках Шевцова. – Ну, брат, с тобой не соскучишься! Это что ж за служба, где так учат обезвреживать противника?

Евгений весело хмыкнул в ответ и одобрительно хлопнул его по плечу:

– Ну, ты тоже не промах! Про окно четко сообразил!

Он положил оружие на деревянный стол, за которым сидел, уронив окровавленную голову на столешницу, мужчина в наручниках, пристегнутых к толстому металлическому пруту. Рядом с ним лежала резиновая дубинка. А сама столешница была залита кровью, которая продолжала сочиться из носа избитого пленника.

– Давай, займись этими скотами, пока не очухались! – Шевцов втянул внутрь за воротник первого охранника и уложил его рядом со вторым. – Свяжи их крепенько, а я посмотрю, что с парнем. Похоже, ему прилично досталось, в отличие от этих козлов!

Он приподнял его голову и присвистнул. Лицо мужчины представляло почти сплошной кровоподтек, на шее виднелись следы удувки.

– Н-да, кажется, парень очень и очень перед ними провинился. Смотри, его не только душили и избивали, но и огнем пытали. Вероятно, зажигалкой... – Евгений всмотрелся в следы ожогов на груди спасенного. – Сволочи! Чем же он им так досадил?

Артем обыскал карманы бандитов – теперь он уже не сомневался, с кем имеет дело, – нашел ключ от наручников и пачку сигарет «Бонд».

Более ничего обнаружить не удалось, но они и не слишком на это надеялись. Не любят подобные типы носить при себе удостоверения личности, но если бы и носили, то где гарантия, что те были бы подлинные?..

Шевцов расстегнул наручники, уложил мужчину на деревянную лавку возле стены и задумчиво произнес:

– Стойкий мужик! Очень, видно, этим живодерам хотелось что-то узнать от него, но вряд ли получилось, иначе зачем им доводить его до такого состояния?

Глава 8

– Кто вы? – Мужчина с явным трудом открыл глаза.

Шевцов, выливший ему на лицо полную кепку воды, склонился над ним:

– Ангел небесный! Видишь, крылья за спиной.

Мужчина приподнял голову, огляделся. Потом спросил, не сводя взгляда с лежащих на полу охранников:

– Это вы их отделали?

– Мы, друг любезный, мы! – веселее прежнего ответил Шевцов и помог пленнику сесть на лавке. – А вот тебя за что мучили? Полагаю, не только из спортивного интереса?

Но мужчина, похоже, не разделял его веселья, а на вопрос словно не обратил внимания, но сам спросил с еще большей настойчивостью:

– Откуда вы взялись?

– С неба свалились!

Артем взял из рук Евгения мокрую кепку, которую снял перед этим с охранника, чтобы принести воды из ручья и привести тем самым в чувство этого упертого мужика, который только и знает, что талдычить «Кто вы?» да «Откуда?», а встречные вопросы обходит упорным молчанием.

– Так вы с вертолета? – вдруг поразил он их своей осведомленностью и тут же, с явным подозрением в голосе, задал очередной вопрос:

– А почему на свободе? Выходит, *они* еще не вернулись?

– Кто – они? – Артем сжал кулаки и подступил к мужику. – Ты давай-ка по делу говори! Рассказывай, что это за место, кто твои охранники и за что они тебе так крепко начистили рожу!

– Точно, парень, выкладывай все как на духу, а то у нас времени нет ждать, когда сюда толпа головорезов нагрянет. – Шевцов выглянул в окно. – Солнце уже в зените, а мы еще даже не обедали.

– Они за беглецами подались на ту сторону реки, – угрюмо сказал мужчина и попросил: – Закурить найдется?

Артем с удивлением проследил, с каким дьявольским терпением Шевцов раскурил трофейную сигарету «Бонд» и вставил ее в распухшие губы спасенного. Тот сделал несколько глубоких затяжек, закашлялся и сквозь кашель проговорил:

– За два месяца курить разучился... – И, заметив их удивленные взгляды, пожал плечами. – Что тут удивительного, проживешь здесь, если это можно назвать жизнью, месяца два-три, забудешь не только свое имя, но и то, что человеком когда-то назывался. Мы для них хуже скотины, имен у нас нет, даже кличек нет, только номера. Смотри, – показал он Шевцову руку, – номер девять. А знаешь, сколько таких девярых номеров здесь сгинуло? Это только наш Бог да их Аллах знает! Не успеет человек загнуться, а ему на смену уже другого смертника доставляют, и номер по наследству передают.

– Это ведь как в концлагере, – произнес потрясенно Артем, рассматривая вытатуированную на предплечье мужчины сизую цифру, – хотя я уже ничему не удивляюсь.

– Быстро и, по возможности, внятно объясните, что здесь происходит? Кто и за какими беглецами отправился в погоню? – приказал Шевцов.

Мужчина спустил ноги с лавки и в упор посмотрел на него:

– Мужики, вы еще не подозреваете, в какое дерьмо вляпались! Вам чудом удалось не попасть в руки этим тварям, но, если они здесь появятся, вам несдобровать. И мне несдобровать, и тем, кого эти сволочи, – кивнул он в сторону поверженных охранников, – спустили в яму... – Он затаился еще раз и положил сигарету на край стола. – В километре отсюда в ста-

рой штольне находилась подпольная лаборатория, а вернее, почти завод по переработке опиума-сырца в героин. Работали на нем люди, рабы в прямом смысле. Бомжи или те, кто задолжал энную сумму, как-то провинился перед владельцами завода, а то и просто похищенные люди. Условия здесь чудовищные, вы бы видели конуру, в которой мы жили. Мало кто выдерживает дольше трех месяцев, а зимой вообще через месяц погибают. Особенно трудно женщинам. Они, кроме того, что по двенадцать часов вкалывают, еще ежедневно ублажают охранников. Представьте, что это такое, если женщин – три, а охраны – почти два десятка! – Он прерывисто вздохнул. – Позавчера двум рабам удалось бежать. Эти сволочи и пронюхали, что ушли те не без моей помощи...

– А вы действительно им помогли? – спросил Артем.

– Да, мне удалось им помочь, – тихо сказал мужчина и снова вздохнул. – Я ведь не бомж, а химик по специальности и позарился на хорошую зарплату... Между прочим, по объявлению в газете. Так что тут я оказался практически добровольно, правда, условия жизни и паек у меня были несколько лучше, чем у остальных... – Он опять вздохнул. – Один из сбежавших, как они считают, агент ФСБ. Каким-то образом его вычислили... Поэтому с такой яростью кинулись в погоню, даже про вертолет забыли. Думали, видно, что там особых проблем не будет.

– Зачем им понадобился вертолет? – спросил Шевцов.

– У них скопилась крупная партия героина, кроме того, они хотят перебраться в другое место. Здесь небезопасно, если уж ФСБ вышла на них. Они постоянно меняют расположение. Правда, тут они продержались более двух лет. А теперь им срочно потребовалось перевезти оборудование, охрану...

– А рабочих?

– А их бросили бы в штольне и даже пули не стали бы на них тратить, сами через пару-тройку дней загнулись бы. Кстати, – он взглянул на Артема, – вас бы тоже в живых не оставили.

– Понятно, – скривился Артем, – это мы уже проходили.

Шевцов сплюнул на пол и выругался, затем сказал Артему:

– Крикни Павлу и Димке, чтобы народ сюда подходил. Хотя бы накормим их, а дальше будем думать, что предпринять. А вы идти сможете? – Он повернулся к химику. – Нужно, чтобы вы вывели меня к штольне. Надо людей спасать.

Химик печально покачал головой:

– Ничего у вас не получится. Решетка с помощью специального механизма опускается в глубокую скальную нишу и с его же помощью поднимается. Охранник расстрелял его из автомата, так что решетку поднять невозможно, разве только уничтожить взрывом. А взрывчатки, насколько мне известно, здесь нет, но, даже если бы и была, рисковать нельзя, потолок пещеры может рухнуть и завалить людей.

– Что же прикажете – наблюдать, как они будут умирать на наших глазах? – обозлился Артем.

– Там действительно ничего нельзя сделать. – Химик виновато отвел взгляд. – Единственное, что мы можем, – спустить им тюфяки из соломы и одеяла, на которых они спали, и кормить какое-то время. Эти сволочи грозились тюфяки сжечь, – кивнул он на охранников, – но не успели, занялись мной...

* * *

Артем объявил мужчинам:

– Пока женщины готовят обед, нужно организовать наблюдение за мостом – чтобы бандиты не застали нас врасплох.

– Их там человек двадцать, все с автоматами, на грузовике. Так что звук мотора услышим прежде, чем они появятся, – пояснил химик.

Надежда Антоновна успела обмыть ему лицо, перевязала голову, отчего он заметно приободрился. Назвался химик Сергеем Малеевым.

Шевцов нахмурился и сказал:

– Будем дежурить по очереди.

Он вышел вместе с Незвановым к дороге, чтобы подыскать подходящее место для часового, и вскоре вернулся один.

– Первым дежурит Дима, потом Павел, потом профессор... Мы нашли хорошую точку, оттуда дорога просматривается километра на два в обе стороны. Если они приедут ночью, то наверняка с зажженными фарами. – Он посмотрел на часы. – Итак, у нас восемь дееспособных мужчин. До утра каждый из нас должен отдежурить по два часа. Ночное время мы берем, – он повернулся к Таранцеву, – с Артемом Егоровичем на себя. Это не так уж плохо – каждый сможет выспаться.

– Почему вы решаете за других? – взвился Синяев. – Я не хочу дежурить, я вообще не хочу здесь оставаться!

– Пока я еще и речи не заводил, оставаться здесь или не оставаться, – сказал тихо Шевцов, – но господин Синяев поднял этот вопрос, и каждый из нас должен определиться, принять решение...

Он посмотрел на Артема, и тот ободряюще улыбнулся ему:

– Говори откровенно, все мы – люди взрослые и отвечаем за свои поступки. Я лично остаюсь, потому что не могу позволить этим подонкам расправиться с теми, кто сейчас сидит за решеткой.

– Какое мне до них дело! – закричал Синяев. – Эти бандюги и нас, и их замочат в одночасье. А у меня дети маленькие...

– Хорошо, мы никого не принуждаем! – перебил его Шевцов. – Уйти могут все желающие, а женщины – в первую очередь. Но предупреждаю, что путь неблизкий и сложный. Продукты вам придется нести на себе. Многие из вас впервые в горах и в тайге, а здесь законы свои, таежные, Петр Григорьевич.

– На хрена мне сдались эти ваши законы! – закричал опять Синяев, злобно потрясая кулаками. – Вы не имеете права бросить нас из-за каких-то бомжей, которые все равно бы сдохли на городской помойке. Вы отвечаете за нас потому, что мы именно по вашей милости оказались здесь!

– Мы никуда не уйдем! – Агнесса в упор посмотрела на Синяева. – Ты, мразь, не скули раньше времени, веди себя как мужик, коли штаны натянул. – И повторила, оглянувшись на Ольгу и Чекалину: – Правда, девочки, мы ведь никуда не уйдем?

– Мы тоже остаемся, – сказал Каширский и кивнул на зоолога. – Аркадий Степанович, как замнач по тылу, говорит, что продуктов хватит дней этак на двадцать...

– На двадцать! – схватился за голову Синяев. – Вы собираетесь сидеть здесь двадцать дней? Да это ж чистые отморозки, да у них же автоматы, да они за полчаса нас всех в фарш превратят!

– А вы что думаете, мы будем сидеть и ждать, когда они нас перебьют? – Шевцов побледнел и схватил Синяева за грудки. – Можешь катиться отсюда хоть сейчас! Скатертью дорожка! – И обратился к Рыжкову: – Выдайте ему часть продуктов, и пусть проваливает к чертовой матери!

– Я один не пойду! – Синяев был на грани истерики. – Выделите мне проводника!

– Нет у нас проводника! – рявкнул на него Артем. – Но за помощью нам все равно придется послать кого-то, так что уйдешь с ними, но только завтра, не раньше... – И не удержался, добавил: – Подонок!

Синяев мгновенно умолк. Похоже, сообщение Артема о том, что он сможет завтра убраться отсюда, да еще не один, успокоило его настолько, что он даже проигнорировал оскорбление.

* * *

После обеда Надежда Антоновна понесла еду Незванову, а Агнесса и Ольга отправились кормить людей, сидевших в пещере. Мужчины собрались на военный совет.

– Бандиты могут появиться в любую минуту, и единственный способ задержать их – разрушить мост через реку, – объяснил собравшимся Шевцов. – Тут неподалеку я обнаружил два лома и лопату. Думаю, с их помощью мы сумеем разобрать настил, чтобы машина не смогла проехать. А еще лучше поджечь его.

– А если машина появится, когда мы будем работать на мосту? – спросил Пашка. – В какую сторону тогда бежать, господа командиры?

– Машину мы услышим заранее, – сказал с раздражением Артем, – так что успеешь спрятать свою драгоценную задницу!

Все рассмеялись, а Пашка покраснел:

– Да я ничего... Я так... Насчет укрытия тоже следует позаботиться.

– Вот этим ты и займешься, – усмехнулся Шевцов. – Вместе с Сергеем и Димой, когда он освободится, будете сооружать бруствер из камней, на взгорке над мостом, там очень удобное место. Можно держать под обстрелом весь мост.

– Держать-то можно, – прокричал Каширский, – но у нас в наличии всего три автомата, один пистолет и совсем мало патронов.

– Поэтому мы и должны заняться мостом, – сказал Шевцов и посмотрел на небо, потом на Артема: – Кажется, погода меняется, ты не находишь?

Артем бросил взгляд на низкие, темно-серые, почти черные облака, заполонившие западную сторону неба, и озадаченно покачал головой:

– Надо спешить! Приличная буря идет! Нужно отнести все вещи в пещеру, где жили рабочие. Там есть лежанки, на которых можно переночевать, и место для костра. Пусть этим займутся дамы. – Он заметил спускающихся от пещеры женщин и крикнул: – Агнесса, возьмитесь вместе с Олей и Надеждой Антоновной за подготовку к ночлегу! – Потом повернулся к мужчинам: – Все мужики на мост, постараемся что-нибудь сделать до бури.

Тучи постепенно сгущались, соединялись, смешивались одна с другой и все наседали, наседали на горы, пока полностью не закрыли их. Все живое смолкло, затаилось. В прорехах между тучами еще пару раз проглянуло солнце и вскоре исчезло в мутной темно-лиловой мгле. Стая гусей, торопясь укрыться от бури, пролетела, тревожно крича, над рекой. Туда же, в глубь тайги, ища спасения от непогоды, перекатывались стайки мелких птиц.

Порыв ветра донес неясный глухой гул из самой чащи леса. Испуганно прокричала кедровка, над рекой просвистела пара гоголей. Еще несколько минут, и пошел сильный дождь.

– Давай, давай, ребята, – поторапливал мужчин Шевцов, то и дело поглядывая на небо, – немного осталось!

Они натаскали огромную кучу хвороста и обломки старых досок. Но хворост горел плохо, больше чадил, так что огонь особого ущерба мосту не причинил. Толстые плахи настила тоже поддавались с трудом, и к началу дождя люди с грехом пополам отодрали десятка два, не больше, да еще с десяток едва поддели ломami, сдвинув их с места. Мост зиял прорехами, но, несмотря на это, по нему все-таки можно было перебраться на другой берег.

– О, черт! – выругался Евгений. Дождь хлынул сплошной стеной, и над рекой опустились почти вечерние сумерки. – Ничего не видно! Придется бросить эту затею! – Он удрученно

покачал головой. – Что ж, будем полагаться теперь на бога да на удачу. Авось повезет и на этот раз, не рискнут господа бандиты по такой круговерти возвращаться.

* * *

– Смотри, как легко человек превращается в животное. – Евгений с гримасой явного отвращения всматривался в темноту ямы, в которой сидели несчастные, обреченные на смерть люди. – Я ведь дважды повторил, что вслед за первым мы спустим вниз столько ведер воды, сколько им понадобится напиться. Нет, кому-то такой порядок не по душе. Эй, вы! – крикнул он, подойдя вплотную к решетке. – Ведите себя как люди, иначе мы перестанем вас кормить и поить. Еды и воды хватит на всех, и не стоит из-за этого топтать друг друга!

Внизу, где еще за несколько мгновений до этого раздавались звуки ударов, ругань и крики, воцарилась тишина. Артем пытался рассмотреть, что творится на дне ямы. Она находилась неподалеку от решетки, но отсутствие света мешало разглядеть лица людей и подробности происходящего в этой мерзкой дыре, которая по воле негодяев должна была превратиться в братскую могилу для десятка истощенных и деградировавших существ, кого только с большой натяжкой можно было назвать людьми.

Шевцов и Артем отошли от ямы и встали под скальным козырьком, с которого с шумом низвергались потоки воды. Евгений сказал:

– Я думаю, мы правильно поступили, оставшись здесь. С рассветом опять займемся мостом, а если бандиты попытаются восстановить его, можем немного пострелять. Конечно, патронов у нас маловато, но этого будет достаточно, чтобы не подпускать их к мосту.

– Кого-то все равно нужно отправить за помощью. – Артем всмотрелся в непроглядную пелену дождя и покачал головой. – Но честно сказать, я не знаю, кто сумеет это сделать.

Шевцов пожал плечами:

– На мой взгляд, следует отправить Павла. Все-таки он из местных и, насколько я знаю, вырос в таежном поселке.

Артем искренне удивился этому известию, потому что всегда считал своего напарника исконно городским пижоном.

– Второй попробуем уговорить Агнессу. У нее и характера хватает, и опыта хождения по горам. А остальным придется остаться и молиться о том, чтобы помощь пришла вовремя.

– Синяев увяжется за ними!

– Да и черт с ним! – махнул рукой Шевцов. – Баба с возу, кобыле легче. – И с интересом спросил: – Ты его специально с вечера поставил дежурить?

– Конечно, разве ему можно доверить что-нибудь более ответственное? Проспит все на свете и даже угрызениями совести мучиться не будет в случае чего.

– Как ты думаешь, нас уже ищут?

– Ой, чует мое сердце, что нет, – вздохнул Артем. – Если в городе полощет с подобной силой, то Михалыч и в ус не дует, потому что уверен: я по такой погоде не полечу. Так что спохватится, дай бог, завтра к обеду, когда уж окончательно приспичит.

Шевцов глубоко вдохнул воздух и с шумом выдохнул:

– Фу-у-у! Ну и организация! Только теперь я начинаю понимать, в какую историю мы вляпались.

– Какая это организация, – удрученно отозвался Артем, – шарашкина контора, а не авиакомпания. А после этого случая, видно, совсем ее разгонят к чертовой матери. А жаль! Михалыч, по правде сказать, ничего плохого мне не сделал, да и с работой я пролечу, как фанера над Парижем.

– Что ж, все мы сейчас в одной лодке и будем полагаться только на самих себя. Другого выхода нет.

– Если бы мы не изменили курс, – задумчиво произнес Артем, – была бы надежда, что нас быстро найдут. А так все равно, что иголку в стоге сена искать. Тем более что обломки вертолета лежат под скалой, с воздуха их вряд ли обнаружат. Одна надежда на тех, кто отправится за помощью.

– Очень слабая надежда, – сказал тихо Шевцов, – но и ею пренебрегать не стоит. – Он оглянулся в сторону ямы. – Кажется, успокоились. – И крикнул: – Сейчас еще воды спущу. – Потом предложил Артему: – Ты бы шел спать. Тебе надо хорошенько отдохнуть перед ночной вахтой. Да и завтра тяжелый день предстоит!

Глава 9

И в эту ночь Артем опять спал беспокойно, хотя был сыт и лежал на подстилке из пихтовых веток.

В полночь ему предстояло сменить на вахте Синяева, и он даже обрадовался, когда его время подошло.

Он натянул куртку и прихватил с собой меховой жилет Каширского, который тот еще с вечера предложил ему надеть. Дождь прекратился, но было очень сыро и холодно, и жилет из овчины должен как раз пригодиться во время дежурства. Сам хозяин жилета не спал, сидел у костра и делал какие-то пометки в записной книжке. Увидев, что Артем поднялся, Каширский помахал ему рукой, но ничего не сказал.

Ночной воздух был еще холоднее, чем думал Артем. И, выйдя из тепла, он зябко поежился.

Он дошел до поворота, где нужно было сойти с дороги, и направился к расположенному неподалеку большому камню, который выбрал Шевцов в качестве наблюдательного пункта. Синяев должен был находиться в небольшом укрытии почти на самой вершине этого камня и не мог не слышать приближения Артема. Однако никаких признаков пребывания часового на посту Артем не обнаружил. Он негромко окликнул:

– Петр Григорьевич!

Никто не ответил.

Артем осторожно обошел камень, силуэт которого четко вырисовывался на фоне ночного неба.

И тут заметил странное, непонятно откуда взявшееся возвышение на одном из выступов камня.

Вскрабкавшись вверх, он расслышал приглушенный храп. Артем потряс Синяева за плечо и услышал, как, звякнув о камни, скользнула вниз пустая бутылка. Синяев был пьян, и не просто пьян, а мертвецки.

– Ну, ты и сволочь! – Артем в ярости принялся хлестать Синяева по щекам, но без особого результата. Синяев бурчал что-то, нечленораздельно ругался, но в себя не приходил. – Надо бы тебя бросить здесь, чтоб ты сдох к утру от холода, – прошипел Артем со злостью, поняв всю тщетность своих попыток привести в чувство мерзавца.

Он знал, что, конечно же, не бросит хотя и пьяного, но беспомощного человека, однако знал и то, что не в его силах, с раненой спиной, дотащить Синяева до лагеря.

Артем внимательно оглядел дорогу, мост, прислушался... Все было спокойно, ни звука не доносилось с противоположного берега. Тогда он слез с камня и пошел к лагерю. Каширский по-прежнему не спал и с удивлением уставился на возникшего у входа в пещеру Таранцева.

– В чем дело? – спросил он настороженно и поднялся на ноги.

– Синяев в полной отключке, – сказал Артем хмуро. – Нужно как-то притащить его сюда. Один я с этой тушей не справлюсь.

– Сердце? – обеспокоился Каширский, натягивая ботинки, сохнувшие около костра.

– При чем здесь сердце? – скривился Артем. – Ублюдок просто-напросто нажрался до поросячьего визга.

Каширский что-то сердито пробормотал в усы и спросил:

– Но где он умудрился раздобыть выпивку?

– Вероятно, был у него кое-какой запас. Видать, припрятал, когда чемоданы потрошили. – Артем усмехнулся. – До моей фляжки ему в жизни не добраться. Я ее пуще глаза берегу, на крайний случай.

– Ладно, – махнул рукой Каширский, – пошли, попробуем притащить мерзавца сюда.

Но это оказалось нелегким делом. Синяев был крупным, тучным человеком, а алкоголь сделал его тело совершенно безвольным. Но все же им удалось дотащить его до лагеря и без каких-либо церемоний бросить на подстилку из веток. Каширский, задыхаясь, проговорил:

– Этот идиот подставит всех нас, если не будем следить за ним как следует. – Он немного помолчал и предложил: – Давайте я пойду с вами. Я все равно не засну, а две пары глаз лучше, чем одна.

Они вернулись к камню, вскарабкались на него, легли бок о бок и принялись вглядываться в темные склоны гор и более светлую полосу дороги. Прошло минут пятнадцать. Все оставалось по-прежнему – ни шороха, ни огонька...

Каширский первым нарушил молчание:

– Кажется, все в порядке. – Он поворочался и сменил позу. – Артем, вы бывший военный летчик?

– Бывший, – усмехнулся Артем, – а как вы догадались?

Профессор молча пожал плечами, потом неожиданно спросил:

– Афганистан?

– Афганистан совсем немного, – процедил сквозь зубы Таранцев, – больше – Чечня! И еще два осколка, один в спине, другой – в ноге... – Он искоса глянул на Каширского. – Я этих гадов мочил и мочить буду. Это ж самые распоследние твари, нелюди, каких еще поискать надо!

– Нельзя так, Артем, – мягко сказал Каширский, – раньше я часто бывал на Кавказе и видел всякое...

– Я тоже видел, – глухо сказал Артем, – и что они с пленными делают, видел, и рабов видел, почище тех, что в этой яме сидят. Думаете, этим козлам свобода нужна, независимость? Вон она – вся их свобода и независимость! – Он кивнул в сторону распада, откуда тянуло специфическим запахом. – Зря Шевцов запалил наркоту. Они его теперь из-под земли достанут, чтобы отомстить. Такие деньги на ветер пустил!

– Возможно, – вздохнул Каширский.

Они замолчали на некоторое время, потом Артем спросил:

– А вы чем конкретно занимаетесь?

– Я – доктор исторических наук. Моя диссертация посвящена вопросам становления государственности у древних тюрков. Очень люблю эпоху Чингисхана. Знаете, у него был своеобразный кодекс чести, которому он неукоснительно следовал. Думаю, современные мужчины нашли бы в нем много чего полезного для себя, хотя бы для размышления. Главное, что я взял оттуда и по мере сил следую этому, – одна из заповедей, по которой жил Чингисхан: «Боишься – не делай, сделал – не бойся!» Сильно сказано, не правда ли?

Артем хмыкнул, но ничего не ответил. А Каширский зевнул и произнес:

– Ну ладно, пойду, пожалуй, посплю немного, если смогу, конечно. Евгений Александрович сказал, что завтра рано вставать.

Он ушел, а Артем остался лежать, всматриваясь в темноту и думая о последней своей войне – кавказской. Именно она стала поворотным этапом в его жизни. До нее он шел уверенно вверх – академия, награды, новые звездочки на погонах, а после началось скольжение вниз – к Арсеньеву, а теперь – сюда. Интересно, чем эта эпопея для него закончится?

Мысли о войне безжалостно проявили в памяти лицо той, чье имя он пытался забыть навсегда. Женщины, которую он когда-то безумно любил и которая предала его в самый тяжелый момент его жизни.

Артем до сих пор помнил строчки из ее письма, которое он получил перед вылетом на операцию. И он успел его прочесть, стоя на вытоптанном кукурузном поле, заменявшем им аэродром. Это было вполне обычное письмо, и в нем Артему вполне буднично сообщалось, что они – взрослые люди и поэтому должны действовать разумно и рассуждать трезво. Эта

женщина пыталась скрыть среди рассуждений то, что он расценил не иначе как подлость, – до пошлости банальную измену.

Позже, вспоминая об этом, Артем обнаружил даже долю юмора в случившемся. В самом деле, он сражался на непопулярной войне, а в это время какой-то штатский хмырь увел его жену, увез ее в другой город... Артем ни разу не пытался узнать ни его фамилию, ни какие-то другие подробности из личной жизни бывшей супруги. Но все это было после, а тогда он читал письмо, стоя на стылой чеченской земле, и ему было не до смеха. Через пять минут он поднял свой вертолет в воздух, а через полчаса уже утюжил «зеленку», в которой засели боевики.

Он вошел в этот бой с некоторым сдвигом в сознании и с полным отсутствием благоразумия.

За несколько минут расстрелял весь боекомплект, превратив «зеленку» в некое подобие ада.

И лишь огненная вспышка, пробившая корпус вертолета, на некоторое время вернула ему способность размышлять трезво, как советовала ему та сука, которую всего лишь час назад он считал своей женой.

Снаряд разорвался за их спиной, второму пилоту оторвало голову, а Артема выбросило из кабины и спасло лишь то, что он упал на копну старой соломы и не сразу потерял сознание. Истекая кровью, он отстреливался от боевиков из пистолета. Но видно, удача еще не окончательно покинула полковника Таранцева. Ребята из спецназа успели-таки вытащить его из костра, в который превратилась копна, подожженная боевиками...

Артем не любил вспоминать, что произошло тогда и тем более – после. В госпитале он попал сначала в руки хирургов, а затем за него взялся психиатр. Он старался вовсю, но не смог разрушить тот панцирь безразличия, в который Артем замкнулся, а позже уже не сумел разбить изнутри.

Так и пошло-поехало: госпиталь, пенсия, работа, сначала неплохая, потом все хуже и хуже, пока не дошел до «АвиаАрс». И выпивка, почти ежедневная, и все больше и больше, чтобы заполнить саднящую душевную пустоту.

Он беспокойно пошевелился и вдруг услышал звяканье бутылки. Пошарил среди камней, поднял ее и удивленно присвистнул. Бутылка была цела, и в ней оставалось еще немного, пальца на три, жидкости. Он улыбнулся. Напиться этим было нельзя, но выпить, наверное, стоило. Однако, когда по его жилам растеклось алкогольное тепло, он почувствовал себя виноватым.

* * *

Когда Синяев проснулся и увидел стоявшего над ним Артема, то моментально впал в воинственное расположение духа. Поначалу он хотел попросту защищаться, но присущий каждому трусоватому человеку агрессивный инстинкт все же взял верх.

– Мне от вас ничего не надо! Мне плевать на всех! – Он попробовал встать на ноги, но тут же вновь рухнул на лежанку. – Проваливайте все! – закричал он с истеричными нотками в голосе. – Знали бы вы, с кем имеете дело!

Артем молча смотрел на него. На душе было мутно. Он не испытывал никакого желания выговаривать Синяеву за его поведение, укорять за пьянство на посту. В конце концов, они были членами одного общества – алкашей-одиночек. И от этого он чувствовал себя более чем скверно.

Шевцов вышел из-за его спины и так же молча уставился на Синяева. Желваки заходили у него на скулах, и это, видно, крепко испугало Синяева.

– Проваливай отсюда! – завопил он и, вскочив с лежанки, попытался оттолкнуть Шевцова с дороги.

– Ну, уж нет! – процедил сквозь зубы Евгений. – Кое-что от меня тебе получить придется! – И, приблизившись к Синяеву, отвесил ему звонкую затрещину.

Тот осел назад на лежанку и уставился на Шевцова со страхом и удивлением одновременно.

Его рука потянулась к покрасневшему уху. Он собирался что-то сказать, но Шевцов, наставив на него палец, рявкнул:

– Заткнись, сволочь! Еще одно твое слово, и я сделаю из тебя котлету! Давай-ка отрывай свою толстую задницу от лежанки и марш на мост работать! И если будешь отлынивать, пеняй на себя!

Ярость Шевцова, несомненно, отрезвила Синяева. Вся его воинственность куда только подевалась.

– Простите, я не хотел... – начал он виновато.

– Заткнись, я тебе сказал! – повторил Шевцов с еще большей злостью и повернулся к остальным мужчинам: – Идем сейчас к мосту. Солнце еще не встало, но уже достаточно светло.

– Артем Егорович! – закричал вдруг снаружи Пашка, наблюдающий за мостом от входа в пещеру, и голос его звучал ликующе. – Евгений Александрович! А моста ведь нет!

– Что за черт? – переглянулись Артем с Шевцовым и выскочили из пещеры. За ними поспешили остальные и остановились в удивлении.

Еще вчера самая обычная горная река превратилась в ревущее, беснующееся от ярости чудовище.

Волны ее перекатывались через жалкие остатки моста. Стихия на этот раз пришла на помощь людям, сделав за них то, что оказалось им не по силам накануне.

– Снег! – закричал Шевцов радостно. – Вчерашний дождь ускорил таяние снегов в горах, вот вода и поднялась так стремительно! Ну, теперь этим ублюдкам долго не перебраться на нашу сторону.

Стоящая рядом с Артемом Ольга улыбнулась ему и спросила:

– Вы не можете мне принести консервы? Пора готовить завтрак.

Он улыбнулся в ответ:

– С удовольствием.

– Тогда проводите меня до сторожки.

Она опять улыбнулась Артему, и он подумал, что готов отнести ее на руках хоть на край света, но представил, как она удивится и тут же перестанет улыбаться, и решил повременить с подобным предложением, хотя и не сбрасывать его со счетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.